

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Пензенская государственная технологическая академия

**ПРАКТИКА
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Материалы III международной научно-практической
конференции 1–2 декабря 2012 года

\

Пенза – Витебск – Саранск
2012

УДК 316.77+159.9
ББК 72

П 69 Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы III международной научно-практической конференции 1–2 декабря 2012 года. – Пенза – Витебск – Саранск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012 – 96 с.

Редакционная коллегия:

Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Витебского государственного медицинского университета.

Кулик Святослав Павлович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета.

Баляев Сергей Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.

Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей. Рассматриваются философские и лингвистические аспекты коммуникативного поведения. В некоторых статьях освещаются психологические и социокультурные проблемы коммуникативного поведения. Ряд публикаций посвящен вопросам коммуникативного поведения в контексте развития образования, науки и техники.

ISBN 978-5-91990-098-6

УДК 316.77+159.9
ББК 72

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

I. ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

- Антипов М. А.**
Мифы в контексте диалогической концепции М. М. Бахтина..... 5
- Котыло А. А.**
Античная театральная маска и ее коммуникативные функции 8
- Алиева Г. Ф.**
Интуиция и мышление12
- Хохолова И. С., Павлова А. Г.**
Ассоциативно-вербальная сеть слов олох / жизнь / vie
в якутской, русской и французской культурных традициях.....16
- Воронина А. В.**
Особенности стереотипных сценариев
речевого поведения членов организации
(на примере Костанайского французского культурного центра)21
- Башкатова М. В.**
Этимологический аспект фразеологических
единиц – репрезентантов идеологической картины мира
современного американского варианта английского..... 25

II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

- Чихачёв М. В.**
Коммуникативная компетентность личности:
теоретические основы 32
- Лобанова Н. Е.**
Коммуникативное поведение как средство
совершенствования конфликтологической культуры личности 37
- Баляев С. И.**
Коммуникативная функция конфессиональных стереотипов.....40
- Намази Д. Б.**
О факторах, влияющих
на формирование гендерных стереотипов у личности 43
- Дорошина Л. И.**
Муха-Цокотуха и «Спрашивалка»
в свете современных гендерных отношений.....46
- Сайфутдинова Г. Б., Гатаулина Г.**
Семья в православии: история и современность48

Девярых С. Ю., Конорев М. Р. Субъективная оценка межличностных отношений женщинами-провизорами с разным уровнем выраженности СЭВ.....	49
Гаранина Ж. Г. Коммуникативный компонент в структуре психологической культуры специалистов.....	52
Маркова Е. И., Маркова И. Д., Гамонина А. Н. Имидж и его значение в деловой коммуникации	55

III. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ТЕХНИКИ

Швецова В. А., Литвинова А. Ю. Особенности коммуникативного поведения подростков в коллективе сверстников	59
Степаненко Е. В. Коммуникативное поведение преподавателей высшей и средней школы в контексте профессиональной деятельности	62
Джебраилова Р. К. Роль мотивации в усвоении языков	66
Петрякова Е. А. Электронное пространство в учебном процессе: коммуникативные факторы и особенности конструирования (опыт Астраханского государственного технического университета)	69
Сайфутдинова Г. Б., Салмина Д. С. Современная организация работы по выявлению и учету уникальных архивных документов	73
Бабич Н. С. Имплицитная информация как фактор асимметрии в ответах на анкетные вопросы.....	74
Антипов М. А. Коммуникация в постсовременном мире	79
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2013 году	83
Информация о журнале «Социосфера»	89
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	94

І. ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

МИФЫ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. М. БАХТИНА

М. А. Антипов

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. The author reveals the essence of the myths in the article from the M. M. Bakhtin's point of view of the text. It is shown that the myth as the text is an important means of intercultural communication. Author concludes that the myths of different nations of the world are a single communicative dialogical field.

Key words: communication; text; dialog; myth.

Мифология чаще всего рассматривается как первичная форма мировоззрения, которая служила в архаичном обществе способом объяснения строения мироздания, содержит ответы на наиболее глобальные вопросы, от решения которых зависело душевное благополучие наших предков.

Интересным аспектом мифов, важной стороной их сущности, обращение к которой позволяет, на наш взгляд, более глубоко раскрыть их значение для цивилизации, является их текстуальная сторона. Значительным эвристическим потенциалом в изучении данного аспекта мифа обладает диалогическая концепция текста М. М. Бахтина.

Сквозная мысль диалогической концепции, делающая ее актуальной, – это идея о том, что текст представляет собой важнейшее средство диалога, общения, коммуникации. Текст – это некий атом коммуникации.

Так, основатель данного подхода М. М. Бахтин в одном из своих трудов писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. «Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [1, с. 207].

«Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [2, с. 301]. Ученый глубоко убежден, что текст есть «первичная данность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [там же, с. 308]. Так, миф служит универсальным средством изучения

людей прошлого, их сознания и образа мышления. Это является актуальным для нас, так как элементы мифа все больше проявляют себя в сознании постсовременного человека.

Фундаментальное значение мифа как текста проявляется в том, что он служит уникальным инструментом межкультурной коммуникации, установления и поддержания диалога культур, столь актуального в современном глобализирующемся мире.

Говоря о диалоге культур и значении текста в данном процессе, один из учеников и последователей Бахтина, В. С. Библер, утверждает, что «накануне XXI века европейская культура сосредоточивается как некое «многоместное множество» коренным образом отличающихся друг от друга форм разумения, или, если взять сопоставление из иной сферы, трудный контрапункт самостоятельных Разумов, различных ответов на (различным образом поставленный) вопрос: "Что означает понимать..." – себя, других людей, вещи, мир?» [3, с. 159–160].

К этим «формам разумения» философ относит исторические культурные типы Европы – Античность, Средневековье, Новое время, понятые как целостные субъекты понимания; каждая – со своим особенным разумом (эйдетический разум Античности; причащающий разум Средневековья; познающий разум Нового времени), в каждой представлена модель того, что такое понимать, что такое бытие, что такое человек и т. п.

Современная культура, по мнению Библера, воспринимает эти культуры не как выстроенные друг за другом на лестнице прогресса и снимающие в себе достижения предыдущих культур, но как существующие одновременно в насущном диалоге.

Согласно диалогической концепции понимание текста мифа невозможно без выхода за пределы буквального прочтения – необходима определенная трансформация текста. Словом, понимание есть истолкование текста в результате его соотнесения с другими текстами и культурным контекстом.

Каждый миф взаимосвязан с предшествующими и последующими текстами, созданными авторами, каждый из которых имеет свое уникальное мировоззрение. Именно в данном смысле текст содержит в себе наслоения культур прошлого и будущего, он имеет пограничный диалогический характер, потому что всегда направлен к другому. Текст – это связующее звено между культурами.

Именно данная сущностная особенность мифического текста указывает на его контекстное окружение, которое делает текст полноценным произведением. В таком тексте воплощено целостное бытие автора, которое может быть смыслом только при наличии адресата. В этом состоит кардинальное отличие текста от продукта потребления, от вещи, от орудия труда, в которых воплощается бытие человека, отстраненное от него.

По мнению М. М. Бахтина – сторонника концепции диалога культур, понимание как метод познания является основным для гуманитарных наук. Данный метод реализуется посредством взаимодействия структуры текста и контекстов: контекста описываемого; контекста автора; контекста интерпретатора.

В своих произведениях М. М. Бахтин выделял несколько основных аспектов понимания: взаимопонимание; общение (не само по себе познание, хотя без него не обойтись); самосознание (общение с самим собой).

Понимание произведения приводит к пониманию смысла бытия личности в контексте культуры в его обращенности, общении и внимании к другому.

Таким образом, мы рассматриваем миф как важнейшее средство коммуникации и межкультурного диалога. Благодаря тексту как средству диалогической коммуникации возможна самореализация личности в поле той культуры, к которой он принадлежит. Рассматривая понимание как диалог, М. М. Бахтин, как он сам пишет, подходит к переднему краю философии языка и рассматривает проблему внутреннего диалогизма, «рубцы межей высказывания», проблему «двухголосого слова» [2, с. 315].

Диалогические отношения не сводятся ни к сугубо логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим, ни к каким другим существующим природным отношениям. «Это особый тип смысловых отношений, членами которых могут быть только целевые высказывания... за которыми стоят (и в которых выражают себя) реальные или потенциальные речевые субъекты, авторы данных высказываний».

Для выявления коммуникативной сущности мифа важной является идея Бахтина о том, что отношения между репликами реального диалога – наиболее простой и наглядный вид диалогических отношений, однако сами диалогические отношения несводимы к репликам такого диалога – они гораздо шире и разнообразнее. Отдаленные друг от друга во времени и пространстве, «ничего не знающие друг о друге» два высказывания могут обнаруживать диалогические отношения, если они содержат хотя бы частичную общность темы, точки зрения.

Смысловая логика текста как произведения состоит в его доступности для понимания другими. Это становится возможным при соблюдении ряда условий:

- 1) текст должен иметь внутреннюю логику смыслов, заложенных в нем;
- 2) текст должен быть построен в системе общего для общающихся языка и жанровой традиции данной культуры;
- 3) текст как произведение должен быть понятен своими контекстами. Только при условии совпадения контекстов автора и ин-

терпретатора текст понимается без затруднений при наличии одинакового (приблизительно) мировоззрения личностей, взаимодействующих с текстом.

Рассмотрение мифа как особого вида текста выводит нас на выявление таких его характеристик, как универсализм, диалогичность, коммуникативность.

Первая черта означает наличие в мифах самых разных народов схожих сюжетов и образов, именуемых в юнгианском ракурсе архетипическими. Но эта общность мифических сюжетов имеет и другой – диалогический – оттенок, показывающий единство и родство культур различных народов мира. Итак, мифы представляют собой диалогическое поле межкультурной коммуникации, которое связывает все народы мира, несмотря на их культурные различия, в единую цивилизацию, отражающую мир в схожих духовных образах.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с. – С. 301.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с. – С. 159–160.

АНТИЧНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ МАСКА И ЕЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ

А. А. Котыло

**Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов, Санкт-Петербург, Россия**

Summary. The article is devoted to the investigation of ancient theatre mask, its significance within Greek theatre tradition and society. The author argues that theatre masks were essential elements of constructing the experience of ancient drama and its visual representation. Ancient theatre mask's communicative functions provoked an extreme personal response in the mind of each individual spectator.

Key words: masks; ancient theatre; sacredness; visual cognition; empathy; communication.

Зарождение и развитие античного театра, одного из самых ярких проявлений античной культуры, сыграло основополагающую роль в развитии всей европейской культурной традиции. Зародившись в пространстве ритуала, греческий театр достиг своего расцвета в V в. до н. э. Согласно Аристотелю, трагедия и комедия возникли

из импровизаций на празднествах в честь бога Диониса: «первая – от зачинателей дифирамба, вторая – от зачинателей фаллических песен» [1, с. 51]. Мотивы и образы дионисийского ритуала, идея страдающего бога были основой трагедии как вида священного представления. В. В. Иванов по этому поводу пишет: «Глубочайшая идея Дионисовой религии – идея тождества смерти и жизни, идея страданий бога, <...> ухода и возврата и религиозного преображения человека, – была с величайшей символической силой выявлена в трагедии» [2, с. 250–251]. Согласно Аристотелю, «...трагедия есть подражание действию важному и законченному» [1, с. 56], что позволяет сделать вывод о том, что трагедия носит миметический характер. В сущности, являясь, как и ритуал, действием сакральным, трагедия становится представлением, а не непосредственным действием. Зритель в трагедии – уже не участник священнодействия, как в ритуальной практике, а его созерцатель. Но созерцание свершавшейся на его глазах божественной воли приводило зрителя к очищению, преображению – катарсису, что являлось, по сути, приобщением к священному. Это главное отличие трагедии от ритуала. В. В. Иванов определяет следующим образом: «Трагедия отделилась от своего дионисийского первообраза, но это отделение делало ее искусством. Когда исключительно в ней царил Дионис, искусством она не была и не могла развиваться в художественных формах» [2, с. 251].

Дионис был богом масок, и ритуальные принципы его культа повлияли на распространение маскирования в театре. Возможно также, что в театре под открытым небом маска была эффективным способом отделения актера от зрителей, и сам акт надевания маски означал начало действия. Вопрос о том, какие именно маски надевали на лицо трагические актеры, является довольно сложным, так как исследования могут быть проведены только по оставшимся рисункам на вазах и скульптурным рельефам. Изображения масок на вазе Промос (IV до н. э.) являются свидетельствами того, как выглядели маски античного театра: они имели глаза белого цвета и небольшие отверстия, через которые актер мог обозревать сцену, которые для зрителя выглядели как зрачки персонажа. Глаза и рты этих масок притягивали внимание, а направление взгляда глаз масок и актеров казалось более различимым с дальнего расстояния, нежели вблизи. Несомненным является тот факт, что античная маска представляла собой центральный элемент визуальной составляющей опыта переживания театрального действия.

Маска является эффективным способом стимулирования визуального восприятия человеческого глаза и поддержания активной вовлеченности зрителя. Рассматривая этот аспект греческой маски, К. Калам предполагает, что области глаз и рта маски являлись трудноопределимыми «черными дырами» [3], которые раскрывали актера позади нее, и, таким образом, «мертвая» область в отношении

эмоциональной информации открывалась для зрителя. В этом отношении маска является наиболее результативным способом стимулирования нейронных откликов человеческого восприятия. Мышцы человеческого лица устроены таким образом, что они могут создавать бесчисленное количество легко распознаваемых «микро-эмоций» и «макроэмоций». Вступая в коммуникацию с Другим, лицо находится в состоянии постоянного изменения.

Исследования в области восприятия человеческого лица подтверждают, что новорожденные зеркальным образом перенимают выражения лиц, на них смотрящих. Несмотря на то, что мы находимся у самых истоков понимания визуального познания, проведенные исследования являются попыткой понять структуру человеческой зеркальной системы восприятия и могут открыть механизм функционирования трагической маски. Современные исследования выдвигают гипотезу о том, что существуют определенные нейроны, которые приходят в действие, когда человек вступает в визуальное взаимодействие с определенным лицом. Зеркальные нейроны, активно «изучающие» лицо, пытаются «соединиться» с маской и прочесть ее выражение. В результате этого процесса создается иллюзия, что статическая маска меняет свои выражения. Связь между распознаванием лица, эмоциональной эмпатией, движением в пространстве и кинетической коммуникацией имеет огромное значение для понимания особенностей механизма функционирования маски в античном театре. Лицо и глаза являются крайне важными для интерперсональной коммуникации. Исследования, касающиеся нейронных откликов восприятия лица, показали, что примерно 60 процентов восприятия лица направлены на направление взгляда. Более того, было доказано, что люди с синдромом аутизма имеют сложности с распознаванием направления взгляда других людей и установления зрительного контакта. Восприятие направления взгляда другого человека является сущностной составляющей интерперсональной коммуникации. Согласно М. Мерло-Понти: «Я живу в лицевом выражении Другого, как и я чувствую его живущим во мне» [4, с. 174]. Направление взгляда античной маски является важным фактором в создании контакта глаз актера и зрителя. Эмоциональное состояние актера может быть передаваемо аудитории. При этом зеркальные нейроны зрителя создают чувство эмпатии с маскированным персонажем, которого представляет актер в действии. Искусственная склера, изображенная на глазницах маски, как можно видеть на примере вазы Прономос, содействует в создании визуальной связи; в то время как настоящее лицо обеспечивает коммуникацию между людьми, взгляд маски был направлен не на маскированных актеров, а на аудиторию. Фактически маска позволяет трагическим драматургам непосредственно контролировать эмоциональный контекст представления. Уникальная многомер-

ность маски дает возможность спровоцировать персональный отклик каждому смотрящему на нее. В этом ключе визуальная противоречивость маски во многом усиливает присутствие трагедии.

Таким образом, трагическая маска была намного убедительнее, чем реальное лицо: она постоянно менялась в зависимости от эмоционального состояния каждого человека, находящегося перед ее захватывающим взглядом. Маска являлась не просто средством выражения, обыгрывания текста, дополнением, аксессуаром, еще одной частью костюма, но представляла собой неотъемлемый элемент античного театра.

В античной трагедии маска актера, унаследованная от ритуала, выступала как инструмент, позволяющий передать, воспроизвести опыт священнодействия. Трагическая маска несла в себе след сакрального, по этой причине актер именно через маску представлял Бога, играл свою «божественную роль». Античная маска скрывала индивидуальные черты актера, создавая образ персонажа, таким образом показывая всеобщее, единое в конкретном бытии и позволяя «прозвучать» трагедийному действию, вызывая при этом персональный отклик зрителя. В маске, как в фокусе, был сконцентрирован весь визуальный и эмоциональный опыт переживания драмы, возникающий в процессе коммуникации маскированного актера и аудитории.

Библиографический список

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. – М., 1957.
2. Иванов В. В. Дионис и прадионисийство. – СПб., 2000.
3. Calame C. *Masks of Authority: Fiction and Pragmatics in Ancient Greek Poetics.* – Ithaca, NY, 2005.
4. Merleau-Ponty, T. Toadvine, L. Lawlor. *The Merleau-Ponty Reader.* – Evanston, 2007.

ИНТУИЦИЯ И МЫШЛЕНИЕ

Г. Ф. Алиева

Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Intuition as an element of human cognitive activity has always attracted the attention of researchers, regardless of their ideological orientation. The difficulty of learning intuition is related primarily to its inaccessibility from the point of view of rational perception. The article discusses various assessment contents and expressions of intuition in philosophical and legal context.

Key words: intuition; philosophy; psychology; the nature and forms of expression of intuition; insight into philosophical systems.

Известно, что логическим путем невозможно сделать научное открытие. Лишь существующие теоретические и практические положения на основе логических манипуляций не способны создать новые знания. Творчество означает умение выйти за рамки существующих научно-теоретических и прикладных рамок и одновременно отдалиться от полученного логического доказательства или вывода. В процессе творчества совместная деятельность логического и интуитивного мышления создает новые понятия и представления и при помощи этих представлений формирует новые взгляды на существующие актуальные проблемы, выдвигает об этом знании новые гипотезы и положения, тем самым создавая базу для новых теорий, или же способствует серьезным изменениям в существующих теориях [1].

Таким образом, становится ясным, что творческий процесс нельзя подразделять на чисто сознательные или бессознательные периоды, здесь налицо единство каждой из указанных сторон. Но здесь решающая роль принадлежит сознанию, причем в творческом акте участвует и интуиция [2].

Все интуитивные процессы не стоит обязательно оценивать с точки зрения творчества, хотя, как правило, больше они значат именно для творческого процесса. Поскольку творческий процесс является сложным диалектическим процессом, здесь для интуиции требуется точный экспериментальный и теоретический анализ [5].

Неожиданно принятое решение может иметь место лишь в творческом акте, на основе использования способности к интуиции. Интуитивное следствие или решение может быть принято на разных этапах продвижения к истине. В целом каждая ступень творчества связана с решением целого ряда своеобразных вопросов и проблем. Данный процесс не всегда до конца осознается субъектом, поскольку все его стремление связано с желанием получения конечного результата. Исследователи считают, что в творческом процессе интуиция подключается на промежуточных ступенях.

Определение исследовательской проблемы, постановка задач и целей, определение конкретных методов исследования связаны с использованием процесса логического мышления и его возможностей. Формирование мысли в процессе мышления, создание теорий или гипотез, проверка их в теоретическом или практическом отношении – также осуществляются при помощи логического мышления. Разумеется, знания, полученные при помощи интуиции, нельзя считать эталоном, их обязательно надо подтвердить опытным путем или на основе логики. Но, как подчеркивают исследователи, не следует забывать о том, что интуитивно добытые знания не могут быть полностью прозрачными и явными; истина всегда выявляется практическим путем через теоретическое и практическое обобщение [6].

Развитие научных теорий характеризуется повышением роли здесь интуитивного знания и его доли в целом в научных знаниях. Полученные результаты иногда подтверждают, иногда же опровергают выводы, сделанные опытным или экспериментальным путем. В творческом процессе, как уже отмечалось, интуитивное начало задействуется на промежуточных ступенях получения знания. Здесь идет скрытый анализ, использование ретроспективного опыта, при этом факты сравниваются и сопоставляются. Одновременно творческая проблема реализуется через обеспечение тесного единства рационального и иррационального, учет основных сторон ее, а также на основе взаимодействия интуитивного и дискурсивного мышления. Подобные взаимосвязи и обусловленность в целом помогают получить эффективные следствия умственной деятельности. С этой точки зрения можно сказать, что в целом интуиция создает возможность для человека к приобщению к каждой творческой ситуации, постижению сущности исследуемого объекта или процесса.

Признание наличия истинной интуиции, как подчеркивал М. Бунге, является регрессивной тенденцией в философии. Эта традиция связана с тем, что признается наличие способа мышления, являющегося непознаваемым и неконтролируемым [7, с. 6]. Об этом также в достаточно простой форме писал Р. Декарт в своих «Правилах руководства для ума»: «Под интуицией я понимаю не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание (*conceptum*) ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем, или, что то же самое, несомненное понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, а значит, и более достоверным, чем сама дедукция, хотя она и не может быть произведена человеком неправильно, как мы отмечали ранее» [там же, с. 86].

Другие представители рационализма – Спиноза и Лейбниц – так же, как и Декарт, воспринимали как истину лишь интеллект; не

случайно, что они интуицию также связывают с интеллектуальностью. Видимо, это связано с тем, что в интеллекте рационалисты находят крепкую основу для философии, отмахиваясь от мистицизма как ненужного привеска для этой науки.

Лейбниц в своем произведении «Новые опыты о человеческом разуме» отмечает, что в его интеллектуальной интуиции нет ничего сверхъестественного или скрытного. В таблице умножения цифры перемножаются между собой. Все последствия умственных операций, в представлении рационалистов, должны работать именно по такой схеме. В отличие от учений об интуиции Нового времени, вышеуказанные исследователи понимали ее как смысл, основанный на здравом рассуждении.

Учение об интеллектуальной интуиции, основанное на непосредственном видении связей между умственными операциями, отличается от учения об априорных знаниях; известно высказывание Декарта о том, что врожденные идеи свойственны человеческому разуму, Лейбниц же рассматривал врожденные идеи как известные устремления, тенденции разума, его способности, чувства, стремящиеся проявиться на практике [1].

Учение об априорности некоторых знаний, как известно, опирается на ответ на следующий вопрос: есть ли в сознании такие истины, которые появились до практики или же вообще независимы от нее? Непосредственное восприятие некоторых знаний представлялось как процесс, но разнообразный: непосредственность знаний, полученных из практики, непосредственное знание, существующее до практики, т. е. априорное знание. Исходя из этого, концепции об интуиции, оценивающие роль практики в формировании знаний, делятся на две части: априористические и неаприористические [2, с. 138].

Один из великих представителей Нового времени, Фрэнсис Бэкон, считал, что история, философия, поэзия имеют три основания, он также отождествлял историю и опытное знание. Поэзия формируется на знаниях, которые очаровывают разум, вместе с тем Бэкон нигде не пользовался термином «интуиция». Он также не проявил смелости использовать это слово хотя бы в древнегреческом понимании. Интеллектуальную интуицию, проявившуюся в христианской теологии Средневековья, Бэкон не спешил привнести в свою философию. Видимо, это не соответствовало его требованиям ясности в мышлении. Вместе с привнесением индуктивной методологии в философию философ фактически косвенным образом способствовал исследованию феномена интуиции.

Б. Спиноза предложил несколько отличную рационалистическую интерпретацию интуиции. Это же объединяет его с Лейбницем и Декартом. Однако Спиноза стремится одеть интуицию в мистические одежды, хотя и отмечает, что интуитивный акт связан с дискур-

сивной, рациональной умственной деятельностью. Эти представления, как подчеркивают исследователи, отличались от картезианских взглядов и представлений о математическом мышлении в рамках рационализма [7].

Сходство в представлениях об интуиции в разные периоды истории есть. Интересно, что учения об интуиции рационалистов Нового времени в определенной мере сходны с учениями феноменологов XX столетия. Разумеется, эти учения нельзя уподоблять друг другу. К примеру, Э. Гуссерль, выступая с точки зрения рассмотрения сущности каждой вещи как проявления, феномена сознания, подчеркивал, что эти сущности фактически бессвязны [6].

Исследователи подчеркивают, что подобное толкование интуиции приводит к ошибочным выводам. Интуицию не следует, как уже отмечалось выше, сводить к методу определения новых принципов математики и естественных наук. Выводы, полученные интуитивным путем, нуждаются одновременно в глубоком логическом анализе и систематизировании, поскольку выводы формируются при посредстве соответствующих систем и направлены на выявление ситуаций, которые не могут подлежать логической интерпретации.

Библиографический список

1. История психологии. URL: [ido.rudn.ru/psychology/history of.../6.html](http://ido.rudn.ru/psychology/history%20of.../6.html)
2. Литвинова А. Л. Роль интуиции в научном познании // *Философия о предмете и субъекте научного познания* / под ред. Э. Ф. Караваева, Д. Н. Разеева. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 135–150.
3. Королева Н. Н. Научная интуиция как философская концепция : автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2003. – 23 с.
4. Интуиция. URL: <http://newtomorrow.ru/parapsiho/intuiciya.php>
5. Ирина В. Р., Новиков А. А. В мире научной интуиции. *Интуиция и разум*. – М. : Наука, 1978.
6. Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. Очерк истории: XVII – начало XX века. URL: http://society.polbu.ru/asmus_philointuition
7. Бунге М. *Интуиция и наука*. – М. : Прогресс, 1967. – 187 с.

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ СЛОВ ОЛОХ / ЖИЗНЬ / vie В ЯКУТСКОЙ, РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

И. С. Хохолова, А. Г. Павлова
Северо-восточный федеральный университет, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. This article observes a comparative study of the Yakut, Russian and French world image, which helps to identify general and specific in their ways of the world. Locking and measuring cultural identity images of consciousness carried by comparing associative fields of the same words in these languages.

Key words: world image; linguistic consciousness; associations; gestalt; culture.

Проблемы исследования языкового сознания и образа мира, наряду с проблемами межкультурной коммуникации и онтогенеза речи, занимают одно из центральных мест в психолингвистических исследованиях. Исследования образа мира этноса позволяют выявить состояние этнических константных параметров, отличающих один этнос от другого. Именно образ мира, существующий в сознании носителей той или иной культуры, который меняется от одной культуры к другой, является универсальным механизмом адаптации этноса к окружающему миру, поскольку им задается та система координат, в которых действует представитель той или иной этнической культуры: в процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному элементы этнического бессознательного – этнические константы [3]. Фиксация и измерение национально-культурной специфики образов сознания проводятся путем сопоставления ассоциативных полей одних и тех же слов в разных языках. Ассоциации – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим.

Целью нашего исследования является изучение ассоциативно-вербальной сети слов «олох / жизнь / vie» в якутской, русской и французской культурных традициях (на материале якутского, русского и французского ассоциативных словарей).

В качестве методов исследования выступили свободный ассоциативный эксперимент, методы количественной и статистической обработки данных, обобщение фактов, полученных через метод семантического гештальта Ю. Н. Караулова.

Материалом исследования послужили результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами среди носителей якутского языка (2012), а также данные русского ассоциативного тезауруса (Ю. Н. Караулов) и французского ассоциативного словаря (М. Дебрэнн).

В языковом сознании носителей якутской, русской и французской культур «олох / жизнь / vie» имеют универсальные и специфические значения. Результаты ассоциативных экспериментов в трех языках показывают, что слова-стимулы «олох / жизнь / vie» можно отнести к одной группе в связи с внутренней синонимией, в целом описывающей нечто по отношению к человеку высшее, внешнее, влияющее, неконтролируемое, универсальное. Так, у русских и французов слово-стимул *жизнь / vie*, прежде всего, вызывает ассоциации «жизнь – смерть» и «vie – mort», у якутских реципиентов данная реакция «жизнь – смерть» занимает периферийную позицию. Также можно проследить огромное количество сходных ассоциаций, выраженных прилагательными синонимичного ряда во всех трех языках *уһун / долгая / longue, кэрэ / хороша, прекрасна / joie, belle, кылгас / коротка / courte*. Во всех трех языках мы видим, что данное слово-стимул ассоциируется с абстрактными понятиями, связанными с осмыслением жизни *дьылга / судьба / espoir, respirer, existence*.

От пословного сопоставления ассоциативных полей правомерным считаем перейти к сравнению их семантических структур. Большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную Ю. Н. Карауловым «семантическим гештальтом» и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу). Таким образом, для дальнейшего сопоставления были построены семантические гештальты того или другого ядер и составлена таблица корреляции семантических зон в гештальтах. Названия зонам даны в соответствии с семантической группой; порядок следования зон определялся суммарной частотой слов-понятий, ее составляющих; слова в зоне сгруппированы по смысловой близости, а также с учетом убывания частоты.

Семантические гештальты ассоциативных полей слов *олох / жизнь / vie* в трех языках представлены в таблицах (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Семантический гештальт АП слова олох

1) уөрүү-көтүү	2) олох-дьаһах	3) уһун-кылгас	4) өлүү-сутуу
Дьол / счастье – 128; кэрэ / прекрасное – 31;	дьаһах / устройство – 92; дьылга / судь-	уһун / долгая – 80; кылгас / короткая – 26;	өлүү / смерть – 16; ыарахан / сложная, труд-

үчүгэй / хорошо 22. 181 (32 %)	ба – 57; төлкө / судьба – 13; оҕо / ребенок – 9. 171 (30 %)	суол/ дорога – 38. 144 (25 %)	ная – 49. 65 (11 %)
---------------------------------------	--	--------------------------------------	----------------------------

Таблица 2

Семантический гештальт АП слова-стимула *жизнь*

1) качественный признак	2) жизнь – смерть	3) длительность	4) движение
прекрасна – 30; хороша – 16; интересная – 6; веселая – 4; прекрасная – 4; сложная – 4; счастливая – 4. 68 (33 %)	смерть – 62. 2 (30 %)	долгая – 16; коротка – 13; короткая – 12; длинная – 8. 49 (23 %)	прожить не поле перейти – 7; дорога – 6; продолжается – 6; река – 4; поле – 4. 27 (13 %)

Таблица 3

Семантический гештальт АП слова-стимула *vie*

1) жизнь – смерть	2) эмоции / чувства	3) длительность	4) природа
Mort / жизнь – 267; Existence / существование – 12; Naissance / рождение – 9; Vivre / жить – 6; respirer / дышать – 3. 297 (82 %)	joie / радость – 17; espoir / надежда – 11; amour / любовь – 8; bonheur / счастье – 7. 43 (11 %)	longue / долгая – 7; courte / короткая – 4. 11 (3 %)	Eau / вода – 4; nature / природа – 4; soleil / солнце – 3. 11 (3%)

Как видно из таблиц, семантические зоны в семантических гештальтах в трех сопоставляемых группах – реципиентов-носителей якутской, русской, французской лингвокультурной общности – совпадают частично. В семантических гештальтах ассоциативных полей «олох / жизнь / vie» во всех трех рассматриваемых нами языках присутствуют одинаковые ассоциации, которые можно объединить в следующие зоны: «жизнь – смерть» (*өлүү / смерть / mort, existence, naissance*) и «длительность» (*уһун / кылгас, долгая / короткая / длинная, longue / courte*). «Жизнь – смерть» у французов занимает первое место (82 %), у русских – второе место (30 %), у якутов данная зона занимает периферийную зону реакций (11 %). Социально-этическая и нравственная значимость понимания смерти, связанного с осмыслением жизни самой личности и с ее историческим бессмертием, чрезвычайно велика в европейском обществе и оказывает сильное воздействие на развитие ее нравственно-философской мысли. Понятие смерти в якутском языке дается термином «елуу» – букв. *доля, участь*. В якутском языковом сознании смерть представлена как завершение или прерывание жизненного круга и переход из «среднего» мира в «тот» мир, когда главной трансформации подвергалась «кут» (душа) человека. Смерть и есть «отсоединение» трех элементов «кут»: «буор-кут» (земля-душа) уходила с человеком в землю, «салгын-кут» (воздух-душа) становилась воздухом, «ийэ-кут» (мать-душа) возвращалась в «верхний мир» к своему создателю «Урун Айаа Тойон».

В ассоциативном поле слова «олох» / *жизнь* в якутском языке ядерные группы составили зоны: «уөрүү-көтүү» / *радость* (32 %) и «олох-дьаһах» / *устроить жизнь* (30 %). В языковом сознании якутов жизнь, прежде всего, имеет значение некоего дара «счастья», которым человек наделен всевышними божествами, Всевышним богом Юрюнг Аар тойон и Дьылга тойон, и поселен ими на среднюю землю для того, чтобы продолжить род человеческий. Юрюнг Аар тойон (от «юрюнг» – белый, «аар» – великий, величественный, «тойон» – глава, вождь) означает Великий белый старец. Дьылга тойон (от «дьылга» – судьба, «тойон» – глава, вождь) буквально означает «Всевышний старец, предопределяющий судьбу». У якутов жизнь «олох» также ассоциируется со словом «дьаһах», которое выступает в качестве парного слова «олох-дьаһах». Слово «дьаһах» является производным словом от слова «дьаһаныы» (организация, упорядочивание). Таким образом, «олох-дьаһах» означает устроить свою жизнь, организовать ее в правильном русле. Использование парных слов в якутском языке можно объяснить как следствие образного восприятия мира, с помощью парных слов достигается более богатая картина эмоций.

В русском языковом сознании слово «жизнь» характеризуется как *прекрасна, хороша, интересная, веселая*, т. е. определениями,

выделяемыми в качестве ядерной группы «качественный признак» (33 %). Во французском языковом сознании слово «vie» имеет тесную связь с эмоциями и чувствами (*joie, espoir, amour, Bonheur*), занимающими в ассоциативном поле слова «vie» зону «эмоции / чувства» (11 %). Далее во всех трех языках нами выделяется зона «длительность» жизни, занимая периферийную (третью) зону реакций: в якутском ассоциативном поле «уһун-кылгас» / долгая – короткая (25 %), в русском (23 %) и во французском (3 %). Далее мы наблюдаем, что жизнь для русских ассоциируется с движением, устремлением вперед: *прожить не поле перейти, продолжается, дорога* и т. д. Данную группу реакций в русском языке мы обозначили «движение» (13 %). Спецификой ассоциирования у французских респондентов, отсутствующей у двух других групп является наличие зоны, отражающей связь с природой: *eau, nature, soleil* и т. д. (3 %).

Подводя предварительный итог изучения ассоциативно-вербальной сети выбранных слов-стимулов, мы можем заключить, что сходства и различия между языковым сознанием якутов, русских и французов выявляются на всех уровнях организации ассоциативно-вербальной сети – от поверхностного до глубинного: при общей оценке полей по самым частым ответам испытуемых на одноименные стимулы; при полном пословном сопоставлении одноименных ассоциативных полей; при сравнительном анализе состава эквивалентных семантических зон в гештальтах ядер трех языков.

Библиографический список

1. Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь. Т. 1 От стимула к реакции. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2010.
2. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191–206.
3. Лурье С. В. Историческая этнология. – М. : Аспект пресс, 1997.
4. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. – М., 2002.

ОСОБЕННОСТИ СТЕРЕОТИПНЫХ СЦЕНАРИЕВ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОСТАНАЙСКОГО ФРАНЦУЗСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА)

А. В. Воронина

**Костанайский филиал Челябинского государственного
университета, г. Костанай, Казахстан**

Summary. This article observes the characteristics of stereotyped scenarios of verbal behavior of the organization`s members. There are a lot of differences in the stereotyped scenarios of verbal behavior of the organization`s members those refer to the different lingo-cultural communities.

Key words: verbal behavior; stereotype; international agency; lingo-cultural community.

Один из факторов, осложняющих общение, часто остается незамеченным: жители каждой страны по-разному используют свой язык. Язык – средство коммуникации, служащее для передачи сообщения, но он является чем-то гораздо большим и отражает национальный характер [4, с. 30]. Справедливой представляется точка зрения Ю. Е. Прохорова, который на основании типов взаимовлияния культур выделяет четыре типа межкультурных языковых контактов: соприкосновение, приобщение, проникновение, взаимодействие [3, с. 107–115].

Исследуемая нами международная организация использует приобщение как тип межкультурного языкового контакта, при котором обе стороны владеют знаниями о стереотипах общения каждой из сторон (французской и казахстанской), но при этом казахстанская сторона пользуется как чужими, так и своими стереотипами речевого общения, а французская сторона исходит только из своего типа.

В исследуемой нами организации для обеспечения взаимодействия между ее участниками используется преимущественно французский язык (как представителями французской стороны, так и членами казахского лингвокультурного сообщества). Данный факт вполне объясним, поскольку данная международная организации была создана в поликультурной среде города Костаная при факультете иностранных языков, большинство членов которого уже в той или иной мере владели французским языком как иностранным. Решающим следует определить и тот фактор, что французская сторона преследует цель внедрить и распространить свою культуру на территории Казахстана, в частности Костанайской области. Это представляется возможным в первую очередь при внедрении французского языка, который является важнейшей составляющей национально-культурной специфики Франции.

Общение – двусторонний процесс, требующий коммуникативных навыков от партнеров (умений правильно использовать языковые средства) и, что не менее важно, умения слушать друг друга. Поскольку различные культуры не только по-разному используют речь, но и по-разному слушают: есть хорошие слушатели (например, немцы) и плохие. К последним относятся члены исследуемой нами организации, относящиеся к французскому лингвокультурному сообществу. Данное наблюдение подтверждает стереотипность сценариев речевого поведения членов организации. Французские участники организации живут в совершенно другом мире. Они прямолинейны в подходе к проблемам и не видят никакой пользы в неопределенности и двойственности. Во французской культуре словоохотливость приравнивается к интеллектуальности и молчание отнюдь не сравнивается с золотом [1, с. 163–164].

Действительно, большинство стереотипных сценариев речевого поведения участников организации, принадлежащих к французскому лингвокультурному сообществу, характеризуется красноречием, прямолинейностью, ясностью, логичностью и словоохотливостью. Французские участники организации активнее, чем их казахстанские коллеги (в определение «казахстанские» мы включаем представителей любой национальности, проживающих на территории поликультурного Казахстана), вовлекаются в различного рода дискуссии. Представители французской стороны чаще всего настаивают на своей точке зрения в дискуссиях и умеют убеждать казахстанских коллег в правильности своих утверждений.

Основными темами для общения французы выбирают экологию, окружающую среду, путешествия и политику. Это темы, при обсуждении которых французам нет равных среди представителей казахстанского сообщества. Именно поэтому, говоря на данные темы, французские члены организации всецело поглощают внимание всех остальных членов организации. Представители французского лингвокультурного сообщества всерьез обеспокоены проблемами экологии и окружающей среды, и, следовательно, это проявляется в сценарности их речевого поведения. Так, они чаще, чем другие члены организации, употребляют такие лексические единицы, как *сортировать отходы, мусорный бак, окружающий воздух или вода, экология, загрязнение окружающей среды, загрязнение воздуха, загрязнение атмосферы газами* и т. п. Подобные лексические единицы употребляются французами также и в повседневной речи при каждом удобном случае. По сравнению с представителями французской стороны, казахстанские участники организации употребляют подобные выражения в своей речи гораздо реже и участвуют в дискуссиях на темы экологии и окружающей среды только по инициативе своих французских коллег.

По сравнению с представителями казахстанского лингвокультурного сообщества, французы проявляют гораздо больший интерес в отношении политики. Таким образом, речевая деятельность французов довольно часто связана с обсуждением политических вопросов, что, в свою очередь, вызывает определенные трудности, ибо противоречит стереотипной речевой деятельности казахстанского сообщества, т. к. обсуждение политики и тем более подвержение критике политических действий какой бы то ни было страны считается некорректным, а порой даже недопустимым. Для представителей французской нации выражение своего мнения по поводу того или иного политического вопроса (даже если это мнение имеет критикующий характер), напротив, считается вполне приемлемым, поскольку французы считают себя вправе участвовать в политической жизни общества. Так, в речи представителей французской стороны частотными являются следующие выражения: *политическая роль, разведывательные службы, президентская охрана, оппозиция, форсирование выборов, власти, диктатура, демонстрации*.

Таким образом, выявив наиболее частотные лексические единицы политической семантики в речи представителей французской стороны данной организации, необходимо выделить основные направления политики, обсуждаемые членами организации: глава государства, ведение переговоров, выборы и их легитимность, политические режимы, оппозиционные действия народа, борьба за права населения страны.

Казахстанский же менталитет, напротив, не позволяет критически подходить к вопросам политики в силу глубокого уважения к государственным деятелям. Об этом свидетельствуют результаты наблюдения за речевым поведением участников исследуемой международной организации, принадлежащих казахстанскому лингвокультурному сообществу. В результате наблюдения было выявлено, что наиболее частотными лексическими единицами, употребляемыми членами организации при описании политических тем, являются: *лидер нации, демократическое государство, независимая страна, глава государства, выбор народа, действия, направленные на процветание республики*. Приведенные выше примеры свидетельствуют о доверии народа президенту страны и проводимой им государственной политике. В этом также проявляется менталитет казахстанского общества.

Выявленные различия свидетельствуют о несовпадении стереотипных сценариев речевого поведения представителей данной международной организации, относящихся к разным лингвокультурным сообществам (в нашем случае французскому и казахстанскому).

Поскольку основной целью создания Костанайского французского культурного центра является внедрение и распространение французской культуры среди жителей поликультурного города Ко-

станая, французские участники организации при построении сценариев речевой деятельности используют факты, свидетельствующие о превосходстве французского народа над многими другими, и говорят они об этом с особой гордостью за достижения их страны: *«Университет города Монпелье является старейшим университетом Европы!»* – утверждает один из участников организации с чувством уважения и гордости за достижения Франции в области образования. Употребление превосходной степени сравнения в данной конструкции еще раз подтверждает стремление французов показать свое превосходство, которое довольно часто проявляется при построении сценариев речевых действий участников исследуемой нами организации.

Излюбленное занятие французов – критиковать англичан. Они считают их мелочными и совершенно не умеющими одеваться людьми [4, с. 50]. *«Он одет как англичанин!»* – прокомментировал низкую оценку, выставленную одному из участников конкурса, приглашенный на мероприятие «Мистер Костанайский филиал ЧелГУ» один из участников организации. Данное высказывание подтверждает существующий стереотип о том, что французы не упускают возможности подвергнуть критике англичан.

Итак, мы можем сделать вывод, что данные стереотипные сценарии речевого поведения присущи представителям французской стороны Костанайского французского культурного центра. Поскольку стереотипы относятся к наиболее изучаемым явлениям в лингвокультурологии и исследуются на разнообразном языковом материале [2, с. 20], нам представляется весьма актуальным рассмотрение характерной для участников международной организации стереотипизации речевой деятельности.

Таким образом, стереотипные сценарии речевой деятельности участников исследуемой нами организации характеризуются частым употреблением лексических единиц ограниченной семантики и тематики: экологической и политической. В речевой деятельности членов организации, являющихся представителями французской стороны, присутствует ярко выраженное чувство превосходства над другими странами.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что сценарии речевой деятельности представителей Костанайского французского культурного центра имеют свои характерные черты и, следовательно, являются стереотипными речевыми действиями.

Библиографический список

1. Льюис Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. – М. : Дело, 1999. – 440 с.
2. Питина С. А. Профессиональные стереотипы в современном университетском романе // Парадигма современной науки глазами молодых : мат-лы

- междунар. науч. конф., посвящ. памяти Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова, 29 апреля 2010 г. – Костанай : Костанайский филиал ЧелГУ, 2010. – С. 20.
3. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996. – 145 с.
 4. Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 288 с.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ – РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М. В. Башкатова
Иркутский государственный лингвистический
университет, г. Иркутск, Россия

Summary. The article observes the etymological aspect of phraseological units that represent the ideological world mapping of the contemporary American English language from the perspective of its modeling. The definition of "phraseological unit" with the most prominent examples is taken from the contemporary American English of political field with a detailed analysis of the semantic and etymological features of the expressions, which enables to reconstruct the ideological world mapping of the nation.

Key words: ideology; phraseological unit; ideological world mapping.

Научные разработки в области лингвистики связаны, прежде всего, с появлением нового, ранее неисследованного языкового материала, результаты исследования которого не только представляют научную ценность, давая новое знание или уточняя многие моменты, связанные с функционированием языка, но и обогащают научное знание этноспецифическим материалом, выступающим в качестве фундамента для выведения специфических особенностей формирования сознания определенной нации.

Отмечено, что в основе многих доминирующих факторов, подвергающих язык процессу трансформации и оказывающих непосредственное влияние на языковое наполнение, лежит политическая составляющая.

Процесс «жизнедеятельности» государства, протекающий внутри страны и за ее пределами, влияет на систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, другими словами, на все то, что называется политической идеологией страны, способствуя наращиванию актуального информационного слоя посредством лингвистического материала, анализ операционных единиц которого делает возможным рассмотрение культурной ситуации общества, говорящего на исследуемом языке, как в целом, так и за определенный временной период исторического развития, осуществляя при этом фрагментарную

реконструкцию системы политических тенденций, имеющих место в социуме, конституированных посредством системы идеологических взглядов, формирующих идеологическую языковую картину мира.

Как полагает А. В. Кунин [1], среди наиболее ярких представителей операционных языковых единиц, неразрывно связанных с национальным укладом народа, говорящего на данном языке, а также отражающих сетку идеологической языковой картины мира, являются фразеологические единицы, то есть устойчивые сочетания лексем, значение которых претерпевает полное или частичное переосмысление.

Одной из важных особенностей фразеологических единиц, как полагает Т. В. Шкайдерова [3], является их способность адекватно отразить новые отношения, появившиеся в обществе, новую систему жизненных установок, а следовательно, и фрагментарно изобразить действующие идеологические установки в стране, охарактеризовать изменения, происходящие в стране, говорящей на исследуемом языке, как по отношению к внутренней политике, так и к внешней.

Одним из таких примеров является фразеологическая единица *pork barrel*, корни которой уходят во времена рабовладения юга Северной Америки. Исследование этимологии, а также сравнение семантических характеристик времен зарождения и более поздних примеров использования данного выражения свидетельствуют о постепенном изменении политического устройства страны, а также дают возможность рассмотреть тот временной период с позиции традиций и обычаев, имевших место в рабовладельческих южных штатах, когда по праздникам практиковалась регулярная раздача семьям рабов бочек с солониной.

Что касается более позднего использования данной фразеологической единицы, появившейся в одной из газетных статей, описывающей политическую деятельность Конгресса, датируемой уже двадцатым веком, 1909 годом, в котором это словосочетание, собственно, закрепились и стало уже использоваться как устойчивое, мы наблюдаем появление негативного оттенка, сохранившегося до настоящего времени. Дословно данное выражение означает «кормушка», «казенный пирог», «бочка с медом», то есть государственные или общественные средства, которыми можно поживиться [12]. В современном английском языке данное выражение используется по отношению к политическим законопроектам, которые фигурально «приносят бекон для представителей избирательных округов», то есть тот или иной принимаемый закон выгоден для представителей местной власти.

Еще одной фразеологической единицей, впервые записанной на английском языке в переводе Никколо Макиавелли в 1675 году, заслуживающей должного внимания, является выражение *the ship of state* – «государственный корабль». Выражение интересно тем, что, впервые использованное писателем Уолтером Брашем (Walter Brasch) в книге под названием «*Sinking the Ship of State: The Pres-*

idency of George W. Bush» [13], с помощью игры слов оно приобретает сатирический характер и дает яркое описание неудачной политики президента Джорджа Буша, находящегося на посту президента в 2000–2008 годах.

Исследование фразеологических единиц английского языка с целью воссоздания идеологической языковой картины мира также свидетельствует о том, что процесс изменения идеологических взглядов связан с экспансией заимствованных слов, с использованием терминов, носящих знаковый характер, примеры которых представлены ниже.

Одним из наиболее ярких примеров выступает выражение, пришедшее в 1849 году из латинского языка, – *casus belli*, которое означает «повод для объявления войны»: *casus* «case» + *belli*, gen. of *bellum* «war» [15].

Пример использования данного выражения представлен в словаре «American Heritage Dictionary» [6]:

The casus belli for the Spanish-American War was the sinking of the USS Maine.

Еще одним ярким примером, указывающим на тесное взаимодействие Америки с другими странами в связи с протекающими политическими преобразованиями, является фразеологическая единица *laissez-faire policy* – «политика невмешательства».

Данное выражение было заимствованно из французского, дословно оно имеет в английском языке эквивалент – словосочетание «*let do*» и означает политику государства, подразумевающую заботу о сохранении мира и прав частной собственности.

Согласно историческим предположениям, первоначально данное выражение появляется в речи между министром финансов Франции Жан-Батистом Кольбером и М. Ле Жандром, возглавляющим группу французских бизнесменов в 1680 году, в качестве одного из ответов на вопрос о пользе французского государства в сфере торговых отношений. После чего фраза «*laissez-faire*» приобретает весьма ироничный характер и уже в 1751 году появляется во французском журнале «The Journal Oeconomique» в виде анекдота.

В английский язык данное выражение приходит благодаря физиократической литературе в конце XVIII века, где в документе, рассматривающем принципы о торговле Джорджа Уотли 1774 года, был напечатан тот самый анекдот с выражением «*laissez-faire*». Таким образом это словосочетание закрепилось в английском языке в XVIII веке.

Данная фразеологическая единица используется и в современном английском языке:

People who support a ***laissez faire*** system are against minimum wages, duties, and any other trade restrictions [6].

Следующая фразеологическая единица – *military coup (the coup d'etat)* – «военный переворот», также является французским выражением, проникшим в английский язык в середине XVII века. Если рассмотреть значение данного выражения, то в английском языке данная фразеологическая единица имеет значение «*blow of state*» [6].

Данное выражение, репрезентирующее политическую деятельность, является часто используемым в английском языке и приводится в следующем примере:

The military coup 27th March 1941 in Belgrade, Kingdom of Yugoslavia was performed by a group of senior Yugoslav Army officers headed by Brigadier General Military Aviation Borivoje Mirković [17].

Анализ некоторых заимствованных выражений носит выраженный мотивированный характер. Словосочетание *gutter politics*, заимствованное из немецкого языка, означает «грязная политика». На примере данного выражения мы видим, что значение всего выражения является производным по отношению к значению ведущего компонента. В силу содержания негативного оттенка данное выражение довольно часто встречается в современном английском языке, описывая действия политиков:

McClellan said Wednesday he considered the key question resolved. Those who are raising additional questions are practicing «***gutter politics***», he said [10].

Если рассматривать фразеологические единицы, в основе которых лежит какое-либо терминологическое значение, то следует отметить, что такие выражения отражают определенные идеологические предпочтения индивида. Следует сказать, что использование таких выражений в политической коммуникации имеет ряд особенностей: выражение несет на себе отпечаток происхождения, историю употребления, вхождения в политическую коммуникацию. И следует также добавить, что такие выражения часто становятся знаком определенной системы ценностей, приобретая атрибутивный характер.

Хорошо известный термин «качание маятника» – *the swing of the pendulum*, дословно означающее «политические качели», будучи употребленным в отношении политических партий, власть которых чередовалась в определенный период в Америке, в настоящее время часто встречается в СМИ:

Anyone who has observed ***the swing of a pendulum*** has noted certain features of the motion [11].

Другим ярким представителем фразеологического фонда английского языка, посредством которого становится возможным проникнуть в закономерности образного видения окружающего мира политической реальности, является фразеологическая единица *shuttle diplomacy*, означающая «челночная дипломатия», а именно дипломатия, связанная с поездками из одной страны в другую, осо-

бенно в качестве посредника между странами, которые не могут прийти к консенсусу.

Нередко некоторые экспрессивно маркированные выражения также дают информацию об их авторе, о тех, кто входил в круги правительства или имел прямое или косвенное отношение к выстраиваемой политике страны. Также необходимо отметить, использование официальным лицом какого-либо экспрессивно маркированного выражения придает выражению статус узаконенного и встраивает его в идеологическую языковую картину мира, о чем и свидетельствуют исследования этимологической стороны выражения, представленного выше, изложенного в электронной энциклопедии Wiktionary.

Становится очевидным, что анализируемое выше выражение приобрело свою известность благодаря Генри Киссенджеру, который являлся американским государственным деятелем, дипломатом и экспертом в области международных отношений, занимал пост советника по национальной безопасности США в 1969–1975 годах и Государственного секретаря США с 1973 по 1977 год.

Еще одним примером является выражение *favourite son*, означающее «любимец штата», «популярный политический деятель, выдвигаемый в президенты делегацией штата на предвыборном съезде партии», обращенное к переизбранному на второй срок президенту США – Баракку Обаме, которое приобрело статус имени нарицательного. Данная фразеологическая единица сохраняет тенденцию применяться как выражение с положительной коннотацией, например:

America welcomes its new ***favorite son***, president-elect Barack Obama [16].

Если рассматривать этимологию данного выражения, то, согласно одному источнику, данное выражение впервые появляется в 1780–1790 годах [4], а другой источник датой его появления считает 1800–1810 годы [5].

Одним из наиболее ярких структурно-семантических классов фонда английской фразеологии, затрагивающих сферу политики, рассмотрение этимологии которых позволяет выстроить идеологическую языковую картину страны, а следовательно, и мира в целом, являются выражения, в структуру которых входит компонент-зооним.

Например, этимология фразеологической единицы *a fishing expedition*, которая означает «политический подбор компрометирующих материалов (для политической дискриминации)», указывает на то, что впервые данное выражение появилось в сфере юриспруденции в качестве узкого термина, употребляемого юристами в процессе допроса противника в надежде найти соответствующие доказательства. Начиная с 1930-го года данное выражение приобрело широкий спектр использования, получило более разговорный характер – «зондирование почвы, стремление получить нужные сведения» [8].

Republican Party Chairman Mike Duncan denounced today's House Oversight Committee's subpoenas for Republican National Committee testimony and documents about White House officials' use of RNC email accounts as **a fishing expedition**, and suggested compliance will go just so far [9].

Еще одним широко используемым выражением современного английского языка с компонентом-зоонимом является фразеологическая единица *a lame duck*, имеющая несколько значений.

В политической сфере данное выражение означает «политический деятель, не признанный вновь, но продолжающий исполнять свои прежние обязанности» [7].

В разговорной речи – неудачник, бедолага, «хромовая утка». Примеры с использованием данного выражения приведены ниже:

He has been deemed **a lame duck** president. And he is angry now because he is being treated as such [14].

If President Obama carries on like this, he will turn into **a lame duck** [7].

В разговорном значении впервые данное выражение было зафиксировано в 1861 году английским писателем-сатириком и поэтом Томасом Лав Пикоком (1785–1866) в одном из его романов «Усадьба Грилла». Как политический термин в американский английский данное выражение пришло в 1872 году из анекдота [12].

Еще одним ярким, на наш взгляд, фразеологическим выражением, содержащим компонент-топоним, является выражение *Australian ballot* – «тайное голосование (голосование с помощью бюллетеней)».

Данное выражение помогает увидеть особенности развития выборной системы Австралии, где, согласно некоторым информационным источникам, оно впервые стало применяться в австралийском штате Виктория в 1856 году, а также постепенное заимствование данной системы голосования США, где она впервые была апробирована в 1889 году в Нью-Йорке, а к 1892 году была принята всеми штатами. Необходимо также упомянуть, что данное выражение используется не так часто по сравнению с его фразеологическим синонимом – «*secret ballot*».

Our town school district has adopted **Australian ballot** voting for the school budget [7].

Таким образом, подводя итоги, необходимо сказать, что на основе исследования характерных черт некоторых фразеологических единиц современного английского языка, а именно семантико-этимологического аспекта, представляется возможным не только обозреть внутриязыковых изменений, которые произошли с течением времени, но и реконструирование идеологической картины мира американского общества с указанием тех факторов, которые повлияли на степень и сторону изменений, что является неопределимым вкладом в познание основ моделирования идеологической картины мира.

И. Е. Иванова [2] полагает, что функция манипулирования в большинстве случаев репрезентируется при помощи моделирования.

Библиографический список

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М. : Высшая Школа; Дубна : Центр «Феникс», 1996.
2. Иванова И. Е. Прототипический подход в исследовании текста // Прототипические и непрототипические единицы в языке: коллективная монография / отв. ред. Л. М. Ковалева ; под ред. С. Ю. Богдановой, Т. И. Семенов. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – С. 239–264.
3. Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство: на мат-ле заголовков газ. «Правда» 30–40 гг. : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Омск, 2007.
4. Academic. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus_apresyan/9733/big (дата обращения: 10.03.2012).
5. Adams R. Smoke-filled rooms. The Guardian. 08.02.2008. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/feb/08/smokefilledrooms> (дата обращения: 01.03.2012).
6. American Heritage Dictionary. URL: <http://www.answers.com> (дата обращения: 03.03.2012).
7. Heffer S. If President Obama Carries On Like This, He Will Turn Into a Lame Duck. The Telegraph. 27.07.2010. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/columnists/simonheffer/7913468/If-President-Obama-carries-on-like-this-he-will-turn-into-a-lame-duck.html> (дата обращения: 20.02.2012).
8. Finance University under the Government of the Russian Federation. Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Finance_University_under_the_Government_of_the_Russian_Federation (дата обращения: 16.03.2012).
9. Kifner J. Gunboat Diplomacy: The Watch on the Gulf. The New York Times. 14.02.2007. URL: <http://www.nytimes.com/2007/01/14/weekinreview/14kifn.html> (дата обращения: 01.03.2012).
10. King J. White House Blasts «Gutter Politics» Pentagon requests full Personnel File from Vietnam Era. International CNN.com. 2004. URL: <http://edition.cnn.com/2004/ALLPOLITICS/02/11/elec04.prez.bush.military/>
11. Letters; Shortchanged By The Swing Of The Pendulum. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1981/05/31/opinion/l-letters-shortchanged-by-the-swing-of-the-pendulum-138225.html> (дата обращения: 10.03.2012).
12. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 12.03.2012).
13. Oxford American Dictionary of Current English. URL: <http://www.answers.com> (дата обращения: 10.03.2012).
14. Palin S. Lame Duck President. Facebook. 22.07.2011. URL: http://www.facebook.com/note.php?note_id=10150246675673435 (дата обращения: 15.03.2012).
15. Reference. com. URL: <http://www.reference.com> (дата обращения: 12.03.2012).
16. Toluna: People, Opinions & Polls. URL: <http://ru.toluna.com/people/ankita+singh> (дата обращения: 13.03.2012).
17. Yugoslav Military Coup of March 27, 1941. Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Yugoslav_military_coup_of_March_27,_1941 (дата обращения: 04.03.2012)

II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

М. В. Чихачёв

**Новосибирский военный институт внутренних войск
им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России,
г. Новосибирск, Россия**

Summary. The article, based on an analysis of the different theoretical sources, accurate identification of the communicative competence of the individual. Consider the point of view of foreign and local psychologists on the issue of communicative competence. As a result, the author summarizes the views of researchers on the subject.

Key words: communication; competence in communication; communicative competence.

Прежде чем обратиться к рассмотрению понятия «коммуникативная компетентность», необходимо обратить внимание на соотношение таких понятий, как «коммуникация» и «общение».

Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения [6]. Так считал Антуан Сент-Экзюпери, об этом рассуждали философы на протяжении веков, и эта тема остается актуальной и в наши дни. Вся жизнь человека протекает в постоянном общении. Человек всегда дан в контексте с другим – партнером реальности, воображаемым, выбранным и т. п., поэтому с этой точки зрения трудно переоценить вклад компетентного общения в качество человеческой жизни, в судьбу в целом [9].

Несмотря на наличие точек зрения, в рамках которых происходит отождествление данных понятий, в основном принято выделять ряд существенных отличий.

Общение выступает более широким понятием, которое, в свою очередь, включает, помимо коммуникации, перцептивный и интерактивный компоненты [1].

Если коммуникация предполагает одностороннюю передачу информации, то общение – это всегда обмен взаимными сообщениями, передача которых составляет двусторонний процесс, включающий обратную связь. Данной особенностью также определяется следующее важное отличие. Так, в ходе односторонней коммуникации информация имеет тенденцию уменьшаться в объеме, в то время как в ходе общения информация циркулирует между партнера-

ми – активными субъектами, потому информация не убывает, а увеличивается, расширяется и обогащается в процессе циркуляции [5].

Таким образом, общение – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [10].

Обращаясь к определению коммуникативной компетентности, необходимо выделить различные подходы к пониманию сущности данного понятия.

В бихевиористской концепции коммуникативную компетентность следует рассматривать, опираясь на работы Б. Скиннера, Э. Торндайка, У. Хантера и других теоретиков модификации поведения. Данное понятие определяется как «поведенческая умелость», при этом задачей обучения выступает подкрепляемое научение, организация специальной тренировки и предоставление моделей, демонстрирующих нужные образцы поведения и деятельности. Именно в таких условиях, согласно точке зрения бихевиористов, возможно усвоение индивидом комплекса знаний и навыков, необходимых для его функционирования.

Согласно взглядам представителей данного направления, основной механизм формирования необходимых параметров коммуникативной компетентности человека связан с изучением и изменением среды его нахождения в данный момент времени. Таким образом, методологическое значение поведенческой психологии в контексте рассматриваемой проблемы заключается в обращении к внешним (средовым) источникам развития личности и формирования ее компетентности.

Основное отличие гуманистической концепции от бихевиористской состоит в том, что в центре ее внимания стоит развитие личности в целом, и компетентность в сфере общения определяется уровнем развития всех подструктур личности, в т. ч. сформированностью способности к самопознанию, высокому уровню нравственности, принятию себя и других.

Проблема коммуникативного воспитания личности активно разрабатывалась во многих западных странах со второй половины 70-х годов XX века. Ученые, представляющие данную теорию, видят в общении среду, которая формирует личностные отношения и определяет человеческое поведение. В основном идеи коммуникативного воспитания находят свое отражение в концепциях социализации, а также в воспитательной работе такого специфического американского социального института, как община. Своими корнями идеи коммуникативного воспитания уходят в концепцию «педагогического отношения», где основной целью провозглашалось духовное развитие человека. В качестве главных педагогических

категорий выделялись: диалог и коммуникативная компетенция (компетентность) [там же].

Несомненно, заслуживает интереса трансактный анализ Э. Берна, который рассматривает межличностное общение как ряд сменяющихся друг друга вариантов взаимодействия, состоящих из трех основных элементов: 1) чувств и желаний детей («ребенок»); 2) родительских ценностей и норм поведения («родители»); 3) самостоятельного рассудочного восприятия мира («взрослый») [2].

В основе понимания коммуникативной компетентности представителями когнитивного направления в психологии лежат работы Ж. Пиаже и Дж. Келли, Л. Фестингера, Р. Глезера, Ч. Осгуда, К. Фишера, Р. Фейерштейна и др. Психологи данного направления отдают предпочтение развитию познавательных сторон личности, то есть поведение человека предопределяется теми знаниями (связанными с его личным опытом), которыми он располагает, а главными регуляторами межличностного общения будут являться характеристики социально-перцептивных процессов и система ожиданий.

Таким образом, главное направление совершенствования различных видов компетентности они видят в достижении иерархически организованной когнитивной структуры личности (когнитивных комплексов), качеств оптимальной сложности, упорядоченности, непротиворечивости. Данная задача решается в процессе обучения за счет включения в опыт человека освоенных им навыков оценки собственной компетентности, навыков контроля поведения, поиска цели, индивидуализации тактик и стратегий деятельности, планирования.

Говоря о коммуникативной компетентности, необходимо отметить, что данному феномену в психологии и других науках в последнее время уделяется достаточно активное внимание. Так, например, в рамках отечественных исследований Э. Ч. Азаева, А. А. Бодалёва, Ю. Н. Емельянова, Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, С. В. Петрушина и др. был определен перечень качеств личности, необходимых для успешного общения. Среди прочих достаточно часто называются такие качества, как уровень развития познавательных интересов, направленных на другого человека, умение выбирать наиболее подходящий способ поведения в ситуации общения, умение управлять эмоциональными проявлениями, владение широким спектром коммуникативных приемов и способов влияния на собеседника и др., что по своей сути и составляет основу коммуникативной компетентности. Обратимся к определениям данного понятия, существующим на данный момент в работах отечественных авторов.

Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская и П. В. Растянников рассматривают коммуникативную компетентность как «способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми», как «систему внутренних ресурсов, необходимых для построения

эффективного коммуникативного действия в определенном круге ситуаций межличностного взаимодействия» [7].

По-мнению Е. В. Руденского, коммуникативная компетентность является «системой внутренних ресурсов личности, необходимых для осуществления человеком эффективных коммуникативных действий» [4]. Согласно его точке зрения, эти ресурсы включают в себя когнитивные возможности человека по восприятию, оценке и интерпретации ситуаций, планирование коммуникативных действий в общении с людьми, правила регуляции коммуникативного поведения и средства его коррекции.

Ю. Н. Емельянов связывает коммуникативную компетентность со способностью человека успешно функционировать в обществе. Автор определяет данное понятие через «уровень обученности взаимодействию с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе». Рассматривая коммуникативную компетентность в контексте социального взаимодействия, Ю. Н. Емельянов полагает, что она проявляется в особенностях межличностного поведения индивида, определяющего эффективность или неэффективность его контактов с окружающими [3].

Определение рассматриваемого нами понятия через совокупность коммуникативных качеств личности характерно для взгляда И. Р. Алтуниной. Данные качества автор относит, с одной стороны, к чертам характера, с другой – к способностям личности, с третьей стороны – к межличностному или коммуникативному поведению.

В психологии также можно встретиться наряду с использованием термина «коммуникативная компетентность» и с другими понятиями.

Так, в работах С. В. Петрушина мы встречаемся с понятием «компетентность в общении», которое он определяет как «некоторую совокупность знаний, социальных установок, умений и опыта человека, обеспечивающих эффективность протекания коммуникативных процессов» [11].

«Компетентность в общении» также встречается в теоретических воззрениях Ю. А. Конева. Данное понятие он определяет как «готовность к принятию всего спектра возможных вариантов поведения партнеров по общению, способность понять другого, передавая его опыт» [8]. В этой же работе автор предлагает второе, на наш взгляд, наиболее соответствующее данному понятию определение: «Компетентность в общении – способность к минимизации собственных ошибок в общении, адекватная своим возможностям, задаче и потенциалу партнера в решении проблем общения» [8].

Проведенный теоретический анализ проблемы свидетельствует о сложности такого интегративного феномена, каким является коммуникативная компетентность. Обобщая взгляды исследовате-

лей по данной проблеме, необходимо отметить, что *коммуникативная компетентность* представляет собой совокупность коммуникативных стратегий и средств, применяемых в конкретной ситуации межличностного общения в целях реализации основных его функций (сообщения информации, восприятия и оценки, организации взаимодействия и влияния). Источниками коммуникативной компетентности личности являются его жизненный опыт и способности, психологические и профессиональные знания, общая эрудиция и социальный интеллект, преобладающая среда общения и научные методы обучения общению. Специфика понимания сущности коммуникативной компетентности различными авторами зависит от признания (или учета) приоритетности тех или иных функций и задач общения, ограничения круга рассматриваемых ситуаций общения рамками одной ситуации, вида деятельности либо более широким социальным контекстом взаимодействия индивида в обществе.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1998.
2. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л. : Наука, 1988. – 270 с.
3. Бодалев А. А. Психология общения. Избранные психологические труды. – Воронеж, 1996.
4. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. – М., 1994.
5. Дичев Т. Г., Тарасов К. Е. Проблема адаптации и здоровье человека (методологические и социальные аспекты). – М., 1976. – 184 с.
6. Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растянников П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. – М. : МГУ, 1990. – С. 3.
7. Ершова Н. А. Развитие социально-перцептивной компетентности в системе профессионального общения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1997. – С. 9.
8. Кашницкий В. И. Формирование коммуникативной компетентности будущего учителя : дис. ... канд. пед. наук. – Кострома, 1995.
9. Кидрон А. А. Коммуникативная способность и ее совершенствование : дис. канд. ... психол. наук. – Л., 1981. – 199 с.
10. Мелибурда Е. Л. Ты-мы: психологические возможности улучшения общения. – М. : Прогресс, 1986. – 265 с.
11. Мир мудрых мыслей / сост. Л. Л. Ермолинский, Т. Ф. Ермолинская. – Иркутск : Символ, 1995. – 608 с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Н. Е. Лобанова
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Мордовия. Россия

Summary. The role of conflict culture of modern period is analyzed in the article and discovered its essence and modern condition of this problem.

Key words: conflict culture; psychological culture.

В настоящее время, согласно многочисленным социологическим и психологическим исследованиям, отмечается лавинообразный рост конфликтов в различных сферах жизнедеятельности общества: в политике (В. М. Герасимов и др.), в государственной службе (А. Я. Анпупов, Д. Л. Моисеев), на предприятиях (А. Л. Журавлев). Это обусловлено ростом различного вида экстремизма, агрессивности, расширением зон межнациональных и межконфессиональных конфликтов. К сожалению, ученые констатируют рост конфликтов в образовательных системах и учреждениях (А. С. Гусева, А. А. Гордеев, В. И. Волович, Л. И. Ермаченко, Е. В. Зайцева, В. В. Козлов и др.).

Поэтому необходимы усилия всех людей и каждого человека в отдельности в поиске путей, способов управления конфликтами, разумного их разрешения. Одним из результатов этого поиска явилось возникновение междисциплинарной отрасли научного знания – конфликтологии. Ее междисциплинарный характер проявляется, например, в том, что каждому человеку необходимо в своей деятельности, жизни уметь предупреждать конфликты, уметь их конструктивно разрешать.

В связи с тем что личности принадлежит главенствующая роль в конфликте, одним из условий эффективности процесса урегулирования разногласий является организация процесса воспитания конфликтологической культуры.

Многие психолого-педагогические исследования направлены на формирование конфликтной (Л. А. Петровская, Г. Ю. Любимова, Б. И. Хасан) и конфликтологической (Т. Б. Беяева, О. И. Денисов, М. М. Кашапов, М. И. Леонов, Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин, А. А. Кузьмина и др.) компетентности будущего специалиста. Некоторые авторы (Г. И. Козырев, Н. В. Самсонова и др.) используют термин «конфликтологическая культура личности», однако не рассматривают это понятие в качестве фундаментальной научной категории. Кроме того, малоизученным остается вопрос о конфликтологической культуре как интегральном личностном образовании

и способах ее воспитания с целью гармонизации межличностных отношений.

Однако, несмотря на рост числа исследований в этой сфере, конфликтность в социальной, политической и профессиональной среде не уменьшается. В немалой степени это обусловлено отсутствием должной конфликтологической подготовки. В этой связи психолого-педагогическая теория конфликтов и ее прикладные аспекты нуждаются в дальнейших исследованиях, чему способствуют современные подходы к пониманию сущности человека и психолого-педагогических условий становления личности [3].

Известно, что основы коммуникативного поведения, следование моральным и этическим нормам, умение устанавливать и поддерживать межличностные отношения закладываются с рождения и зависят от особенностей семейного воспитания. В дальнейшем полученные знания и навыки совершенствуются, изменяются под влиянием сверстников и образовательных учреждений.

Идея «образованного человека» сменяется в настоящее время идеей «человека культуры» (Н. А. Адрова). Многие исследователи указывают на необходимость формирования психологической культуры личности (И. В. Дубровина, Т. Ф. Буханевич, Ю. В. Ильиных, Е. И. Исаев, А. Б. Орлов, В. В. Семикин и др.) как составной части базовой культуры личности, системной характеристики человека. Одной из важнейших составляющих такой культуры является, на наш взгляд, конфликтологическая культура личности. Ранний юношеский возраст является благоприятным для воспитания более высокого уровня данного интегрального личностного образования. В это время происходит осознание конфликтологической культуры как позитивной ценности, так как старшеклассник способен осмыслить целостную систему знаний о конфликте и способах его предупреждения и конструктивного разрешения. В силу возрастных особенностей формируется внутренний самоконтроль, и школьник способен прогнозировать, предупреждать конфликт или цивилизованно взаимодействовать в конфликте, если он неизбежен [3].

Н. В. Куклева [1], занимаясь проблемой формирования конфликтологической компетентности студентов университета, отмечает, что содержание общекультурной и профессиональной подготовки студентов не обладает достаточной направленностью на формирование у студентов конфликтологической компетентности, опыта конструктивного разрешения конфликтов в их будущей профессиональной деятельности. Преодоление данного несоответствия требует модернизации образовательного процесса – введения в его содержание конфликтологических знаний, специально организованной деятельности, направленной на формирование готовности будущих специалистов к бесконфликтному деловому взаимодействию.

Конфликтологическая культура определяется как интегральное личностное образование старшеклассника, возрастные особенности которого определяют его ведущие специфические характеристики: в рациональной сфере – осознание необходимости предупредить и конструктивно разрешать конфликты; осмысление конфликта как позитивной ценности; в эмоциональной – осуществление внутренней саморегуляции в конфликте; в поведенческой – умение применять данное личностное образование в практике предупреждения и конструктивного разрешения конфликтов.

Убеждение в необходимости построения межличностного общения по бесконфликтной модели неизменно вступает в противоречие с принципом гуманизации образовательного процесса: отказ от разрешения противоречий лишает личность возможности само совершенствоваться и совершенствовать межличностные отношения. Конфликтологическая культура рассматривается как поэтапно развивающееся личностное образование, включающее в себя элементарный, формальный, конформный уровни, уровень соблюдения нейтралитета, достаточный и оптимальный уровни. Старшеклассник с оптимальным уровнем конфликтологической культуры рассматривает конфликт как неотъемлемую часть человеческой жизни, а необходимость разрешения противоречий – как способ гармонизации отношений с окружающими людьми. Уровневые изменения этого качества приводят к потере некоторых признаков и появлению новых. Достижение оптимального уровня конфликтологической культуры позволяет человеку своевременно предупредить и конструктивно разрешать конфликты в соответствии с его целями, ценностными ориентациями и конкретными социально-коммуникативными условиями.

Критерием для выделения уровней конфликтологической культуры выступает сформированность структуры отношения. В структуре отношения как интегрального образования представлены три компонента: рациональный (объем теоретических знаний о психолого-педагогической природе конфликта, его структуре, динамике, видах, причинах и эффективных способах разрешения), эмоциональный (эмоциональное состояние личности в ситуации конфликта) и поведенческий (наличие системы практических умений и навыков по предупреждению и разрешению конфликтов).

Особенность подготовки педагога к успешной работе с конфликтами заключается в том, что он не только должен знать теоретические основы конфликтологии, владеть практическими способами конструктивного разрешения конфликтов в условиях профессиональной педагогической деятельности, но и обучать учащихся умениям разрешать конфликты в различных сферах человеческого взаимодействия: семейные конфликты, конфликты между руководителями и подчиненными, межгрупповые конфликты (политиче-

ские, религиозные, национальные). Особое место в этом ряду занимает умение вести переговоры [2].

Установлено, что основными причинами конфликтов являются: авторитарный стиль отношений, устанавливаемых педагогом; профессиональная некомпетентность, морально-психологическая усталость (стрессы); этические несоответствия; акцентуации характера; социальная и морально-психологическая незрелость. Овладение всем спектром знаний сущности конфликта, его видов, процессуальных особенностей конфликта, умения и готовность к практическому применению конфликтологических знаний составляют основное содержание понятия «конфликтологическая культура».

Конфликтологическая культура – это часть общей культуры наряду с другими составными частями (коммуникативной, информационной, академической культурой, культурой мышления, психологической культурой).

Библиографический список

1. Куклева Н. В. Формирование конфликтологической компетентности студентов университета, получающих дополнительную квалификацию «преподаватель» : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 2006.
2. Почакаева И. С. Воспитание конфликтологической культуры старшекласников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Пермь, 2010. – 32 с.
3. Щербакова О. И. Психология конфликтологической культуры личности специалиста: формирование в контексте образовательной среды : автореф. дис. ... докт. псих. наук. – М., 2011. – 56 с.
4. Ярычев Н. У. Теоретико-методологические подходы к изучению сущности и природы конфликта: реконструкция исторических воззрений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 4. – С. 226–232.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

С. И. Баляев

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Мордовия, Россия

Summary. The article deals with the psychological characteristics of the social perception of different confessions. Particular attention is paid to identifying the causes of negative content heterostereotypes.

Key words: social perception of different confessions; heterostereotypes.

Исследование конфессиональных стереотипов имеет большое значение для составления полноценной картины межконфессиональных отношений. Вскрытие механизмов функционирования конфессиональных стереотипов в значительной степени способствует

ет понимаю психологической природы межконфессиональной напряженности и конфликтов.

В силу своей огромной практической значимости в регуляции непосредственного взаимодействия между представителями различных религиозных течений и конфессий проблема изучения стереотипов по сей день привлекает особое внимание исследователей. В связи с запретностью в течение многих десятилетий исследования психологического аспекта этнических, конфессиональных и целого ряда других социокультурных категорий в нашей стране проблема конфессиональных установочных образований долгое время не находила должного научного подхода. Приоритет в исследовании процессов стереотипизации принадлежал западным ученым. Среди работ последних большинство посвящены актуальным вопросам этноконфессиональных стереотипов и предрассудков. Наиболее полно анализ этих исследований представлен в обзорах П. Н. Шихирева, В. С. Агеева, А. П. Оконешниковой, В. П. Трусова и А. С. Филиппова, С. В. Малявиной. Среди отечественных работ в области изучения социального стереотипа следует назвать работы В. В. Знакова, Т. Г. Стефаненко и других авторов.

Особое внимание уделяется исследователями восприятию образа «чужака» в лице инородца у представителей различных конфессий.

Если говорить о сравнении исследований этнических и конфессиональных стереотипов, то достаточно определенно можно утверждать о подавляющем внимании авторов к этническим образам, а конфессиональные, как правило, рассматривались в качестве дополнения к ним. Уже с самого начала эмпирического изучения они воспринимались исследователями как однотипные образования в сознании человека и группы. В отечественных же исследованиях, главным образом в этнографических работах, конфессиональные стереотипы, включавшиеся в структуру этноконфессионального сознания, представлялись «как закономерные» явления в меконфессиональном взаимодействии. Во многом утверждению в дальнейшем такого понимания природы конфессиональных стереотипов способствовали и собственно социально-психологические исследования, особенно в последнее десятилетие.

Конфессиональный стереотип – это социально-перцептивный феномен, формирующийся в результате восприятия своей конфессиональной (ингруппы), либо чужой группы (аутгруппы). Соответственно возникает конфессиональный автостереотип и гетеростереотип.

Коммуникативная функция стереотипов служит для осуществления обмена информацией между представителями «своего» сообщества (как опознать «своего» среди «чужих» и «чужого» среди «своих»).

В межконфессиональном восприятии налицо иное распределение оценочных суждений. Оно может провоцировать как более

выраженную социальную напряженность и обособление, так и менее выраженную, что отличает его от этнического восприятия. Конфессиональный фактор в социокультурном восприятии проявляется, прежде всего, тем, что представители этносов, лежащих в рамках одной конфессиональной общности, как правило, дают более позитивную оценку «своим», и менее позитивную – иноверцам. Однако в современных условиях и это не всегда подтверждается, нередко народы, с которыми традиционно существуют длительные добрососедские отношения, оцениваются достаточно положительно. Яркий и показательный пример приводит в своей работе Д. Г. Курачев, согласно данным которого, например, татары и башкиры гораздо позитивнее относились русским (конфессионально – православным), чем родственному по конфессии этносу [2].

В обыденном мировоззрении человека традиционной архаичной культуры элементы религиозной веры переплетались с мощным слоем архаических верований и представлений, которые были погружены в атмосферу не логических, но мистических возможностей и образовывали нечто вроде дополнительного измерения. Если для нас и причина, и следствие одинаково даны во времени и почти всегда – в пространстве, сознание средневекового человека в каждый данный момент воспринимает лишь одно из обоих звеньев причинной связи, другое звено – причина – принадлежит к совокупности невидимых сил. Поиск естественных причин того или иного события становится ненужным. Неурожай, болезни, смерть рассматриваются как действия колдуна, «чужого». Восприятие «чужого» человеком в традиционном обществе, прежде всего, мистично. С древнейших времен «чужой» – потенциально всегда враг, враг богов («наших богов»), носитель вредоносной магии. Представление о способности «чужих» наносить вред основано на их связи с потусторонним миром (с миром, где они жили, – по ту сторону границы нашего мира). На определенном этапе развития общества отношение к этому миру не могло быть однозначно негативным: «по ту сторону» жили и предки. Ситуация нарушения равновесия между «своим» и «чужим» разрешалась с помощью ритуала. Сама возможность перенесения способов разрешения кризисных ситуаций в сферу общения, диалога объясняется принципом обмена, лежащим в основе взаимоотношений с иным миром. Коммуникация этого типа сохранялась народной культурой, однако в условиях становления новой идеологии отношение к иному миру не могло не измениться [1].

В то же время современная стратегия межрелигиозного миротворения нередко оборачивается подчиненностью обстоятельствам. А исчезновение оппозиции «мы – они» – к размыванию «порога коммуникации».

Библиографический список

1. Белова О. В. «Мы жили по соседству...» Этнокультурные стереотипы и живая традиция // Антропологический форум. – СПб., 2004. – № 1. – С. 230–237.
2. Курачев Д. Г. Перцептивная сторона межконфессионального общения молодежи: на материале религиозных сообществ Башкортостана. – Уфа, 2004. – 376 с.

О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ У ЛИЧНОСТИ

Д. Б. Намази
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Gender socialization and perceptions of gender change with age, updated, and are becoming more sustainable. Determining the direction of gender socialization can be defined in general and the direction of the individual, his identity, and to clarify the psychological mechanisms of change in repose about gender.

Key words: gender; gender socialization areas; gender role differentiation; particularly the personal development of men and women.

Гендерная социализация и представления о гендере с возрастом меняются, обновляются и принимают все более устойчивый характер. Определяя направления гендерной социализации, можно определить в целом и направления развития личности, ее идентичность, а также уточнить психологические механизмы изменения представлений о гендере.

Несмотря на то, что полоролевая дифференциация обладает свойственными ей направлениями развития, все же в психологии не принято проводить каких-либо четких границ между особенностями личностного развития мужчины и женщины.

Как известно, женщины и мужчины резко отличаются с точки зрения поведения, круга интересов и типа отношений. Эти различия проявляются практически во всех сферах жизнедеятельности.

Азербайджанские психологи А. С. Байрамов и А. А. Ализаде отмечают, что на основании диморфизма, т. е. формирования морфологических, физиологических и психологических различий между полами, у мальчиков и девочек возникают половые признаки. Они проявляются у людей в различных сферах, начиная с общесоматической характеристики и заканчивая сферой мотивации [2, с. 354].

Разумеется, что половые признаки детей проявляются в единстве с их возрастными особенностями. С этой точки зрения данные признаки трудноразличимы в воспитательной практике.

Возрастные особенности развития личности, также как и особенности общего развития, характерны для всех детей определенно-

го возраста. Половые же признаки носят дихотомический характер. Они присущи или мальчикам, или девочкам. Это означает, что возрастные особенности являются признаками, оказывающими влияние на проявление половых различий [2, с. 354].

На основании проведенных исследований [2; 4; 6] можно с уверенностью сказать, что необратимость половой принадлежности полностью осознается детьми с 6–7-летнего возраста, при этом наблюдается рост половой дифференциации в поведении и ориентации. Гендерные представления взрослого человека и его идентичность представляют собой систему со сложной структурой. Сюда относятся его половая принадлежность, сексуальная ориентация, «сексуальные сценарии», гендерные стереотипы и гендерные преимущества [3, с. 564].

По мнению Ш. Бернини, большинство социальных ролей выполняется или мужчинами, или женщинами, которые стараются уже с самого раннего возраста ограничить себя в общении с лицами своего пола [5, с. 223]. Разумеется, что со всем этим нельзя не согласиться. Индивиды, отождествляя себя с мужчиной или с женщиной, в то же самое время создают соответствующую систему оценок и собственную идентичность. Таким образом, на основе собственных гендерных представлений создается мотивационное поле, опираясь на которое, мы побуждаемся к определенному виду деятельности.

После этого начинают возникать различные внутри- и внегрупповые процессы, появляется сформированная на основе определенных стереотипов система поведения человека. В связи с этим следует отметить, что именно гендерные стереотипы способствуют реализации схемы какой-либо роли, и закрепленные в памяти гендерные представления напоминают нам о той или иной модели поведения.

Все вышесказанное показывает, что половые различия сильно зависят, прежде всего, от существующих индивидуальных или массовых стереотипов. То есть представления о мужчине и женщине сложились не сегодня, а стереотипизировались и усложнялись веками. Эти стереотипы отложились не только на уровне общественного сознания, но и нашли свое место, утвердились в сознании индивида. Эти представления, независимо от возрастных и индивидуальных особенностей, способствовали появлению собственных психологических и социально-психологических проблем характеристики каждого из полов, а также оказывали серьезное влияние на их социальный статус. Несомненно, что такие стереотипы отразились не только на образе поведения и социальной роли полов, но также повлияли и на их личностные качества. Гендерные схемы будто пребывают в состоянии готовности к анализу поступающей информации и управлению ею на основании существующих стереотипов, что в свою очередь определяет последующие направления поведе-

ния. Именно поэтому мы всегда говорим о гендерных различиях в обществе и, безусловно, принимаем их в качестве закрепленных стереотипов.

Мы считаем, что гендерные представления необходимо изучать в первую очередь через призму социальных, психологических и социокультурных особенностей пола. Пол человека считается первостепенной причиной и основанием для проведения психологических и социологических различий между мужчиной и женщиной. В результате развития научных знаний выясняется, что с биологической точки зрения между полами больше сходства, чем различий. Исследователи даже приходят к выводу, что единственное четкое и важное отличие между мужчиной и женщиной связано с их репродуктивной функцией. С другой стороны, сегодня более заметно то, что такие «типичные» мужские половые признаки, как высокий рост, тяжелый вес, развитые мышцы и физическая сила наиболее изменчивы и менее всего связаны с полом. Например, женщины северо-западной Европы выше, чем мужчины юго-восточной Азии. Питание и образ жизни оказывают значительное влияние на формирование тела и физическую силу. Независимо от биологических различий существуют различия в социальных ролях, формах деятельности и эмоциональных характеристиках людей. Антропологи, этнографы и историки уже давно доказали относительность представлений о «типичных мужчинах» и «типичных женщинах»: то, что в одном обществе принимается за сугубо мужское (поведение, черты характера), в другом обществе принято считать сугубо женским. Видимое различие социальных и сходство биологических характеристик мужчин и женщин в мире дает основание утверждать, что биологический пол не может быть критерием социальной роли людей. Таким образом появилось понятие о гендере.

Понятие гендера было навязано людям обществом и отражает содержание социальных и культурных норм в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные правила определяют психологические характеристики мужчин и женщин, их модели поведения, виды профессии и деятельности. Таким образом, обобщая приведенную выше информацию, можно сделать вывод, что быть мужчиной или женщиной в обществе вовсе не означает обладать теми или иными анатомическими особенностями, но в то же время значит исполнять определенную обществом ту или иную гендерную роль.

Гендерные исследования [1; 4; 5] показывают, что в зависимости от традиционной гендерной асимметрии и господствующей иерархии и рассматриваются требуемые обществом от женщин и мужчин роли, нормы, ценности, характерные признаки. Наряду с этим гендерные стереотипы (социальное толкование и применение в качестве социальной классификации биологических различий

между мужчиной и женщиной) понимаются как выполнение определенных социальных наущений в соответствующей полуформе – в речи, манерах, одежде, жестах.

Мы считаем, что появление гендерного сознания у индивидов создается путем сохранения и распространения социальных и культурных стереотипов, норм и учений. С этой точки зрения среда формирования гендера, культурные различия, в том числе этноментальные особенности воспитания, должны находиться в центре внимания.

Библиографический список

1. Гендерные исследования в Азербайджане. – Баку : Адилоглу, 2002. – 303 с. (на азерб. яз.).
2. Байрамов А. С., Ализаде А. А. Психология. – Баку, 2003. – 540 с. (на азерб. яз.).
3. Абраменкова В. В. Половая дифференциация и межличностные отношения в детской группе. URL: <http://psyjournal.ru>
4. Алёшина Ю. Е. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов. URL: <http://www.library.euro-bit.ru>
5. Костикова И. В. Введение в гендерные исследования. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 270 с.
6. Баранова Т. С. Теоретические модели социальной идентификации личности. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. – С. 35–36.
7. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 320 с.

МУХА-ЦОКОТУХА И «СПРАШИВАЛКА» В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. И. Дорошина
Журнал «Сура», г. Пенза, Россия

Summary. The article deals with gender relations in social networks. The author touches the problem of rude behavior of men against women. The statistics of relating to this problem of different categories of Internet users provides.

Key words: gender, internet, social networking.

Жила-была Муха-Цокотуха. Красивая была Муха – «позолоченное брюхо». Шла она по полю жизни, и свалилось на неё богатство – нашла денежку. Приобрела счастливица сходу собственность – самовар. Весёлая была Муха, общительная, а тут и повод представился собрать компанию – день рождения.

Охотно откликнулось на приглашение Цокотухино окружение – дружно, с дарами явилось поздравить разбогатевшую соседку.

И вдруг... «какой-то замухрышка Паучок надумал Муху использовать – всю кровь из неё высосать. Не решились гости дорогие защитить бедную хозяйку, «по углам, по щелям» разбежались...

Но и в жизни чудеса случаются. Вдруг, откуда ни возьмись, явился воинственный Комар и отсёк кровопийце Пауку голову. И на правах победителя потребовал за свой подвиг платы: безапелляционно заявил свои права на нашу Цокотуху. «Хочу, – говорит, – на тебе жениться» – и всё! Ему и в голову не пришло спросить о намерениях и желаниях спасённую.

Тут почтенная публика из своих схронов высыпала и ну отплясывать! Праздник продолжился. А что праздновали-то? Да то, что вырванная из лапок кровопийцы Паука Муха подпадает под непреклонную власть Комара. Теперь для неё «хочу» спасителя наперёд станет и законом, и правом.

К такой интерпретации популярнейшей истории для детей подтолкнуло меня недельное общение на «Спрашивалке». Это такой сайт из разряда социальных сетей, организованный по принципу «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Приходит на вашу электронную почту вопрос. Как только вы на него ответите – автоматически становитесь пользователем «Спрашивалки». Общение на этом сайте носит произвольный характер: компьютер прокручивает ваши вопросы и рассылает их по электронным адресам. Количество «спрашивальщиков» растёт в геометрической прогрессии.

Показательно, что на этом сайте нет цензуры, отсеивающей неприличные вопросы. Поэтому на фоне нормального общения людей встречается большое количество грязных анекдотов о женщинах, высказываний и предложений.

На заданный «вопрос для всех» «Почему так много негатива исходит от мужчин в адрес женщин, и относятся ли к категории последних матери, сёстры, жёны и дочери пакостников?» реакция также оказалась неоднозначной.

Например, пользовательница сайта М. Г. прокомментировала вопрос так: «Для категории хамящих здесь мужчин человечество делится на ЛЮДЕЙ (включая их близких женщин) и ЖЕНЩИН, которых они не считают людьми». С этим комментарием перекликается ответ некоего А. Р.: «Мухи отдельно... А в семье, как и в борделе: я плачу, мне оказывают услуги». Отсюда и ассоциации с «Мухой-Цокотухой».

Дабы не быть голословной, приведу некоторые данные. За неделю общения на сайте «Спрашивалка», в среднем по 2 часа в день, мной было получено 302 вопроса. Из них:

1. Вопросов, требующих какой-то значимой информации – 107 было задано мужчинами, 61 – женщинами.
2. Вопросов типа: «Как?», «Что?» – 49 задано мужчинами, 21 – женщинами.
3. 22 мужчины и 4 женщины воспользовались вопросами, составленными модераторами сайта.

4. Выступили с грязными предложениями, вопросами, анекдотами о женщинах – 36 мужчин, о мужчинах аналогичного типа было 2 высказывания от женщин.

Итак, данный срез статистически показывает, что 15 % пользователей «Спрашивалки» считают возможным и непредосудительным размещать на этом сайте неприличную информацию.

На заданный вопрос о непотребном поведении на сайте части мужчин была отмечена следующая реакция:

1. В защиту права на любое их поведение высказались 14 мужчин и 2 женщины.

2. Осудили хамящих на сайте и в других публичных местах 19 мужчин и 35 женщин.

38 мужчин и 24 женщины «не поняли вопроса».

Если этот срез хоть в малой степени иллюстрирует состояние гендерных отношений в нашем обществе в целом – картина получается удручающая.

СЕМЬЯ В ПРАВОСЛАВИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г. Б. Сайфутдинова, Г. Ш. Гатаулина

**Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия**

Summary. The religion is an important regulator on the basis of which idea of equality of sexes is under construction. This article opens essence of institute of a family from the point of view of religion on a historical and modern example of Russia. Article opens essence of institute of a family at the most important stages of development of Russia.

Key words: religion; equality of sexes; family.

Религия является важнейшим регулятором общественного сознания. Именно христианству современное модернистское общество обязано представлениями о проблеме равноправия мужчин и женщин. Объясняя суть «тайнства» брака, «Святое писание», с одной стороны, оставляет за женщиной обязанность деторождения и спасения в молитвах, в вопросах веры мужчины и женщины поставлены в один ряд, где муж «освещается женою верующею», с другой стороны. Православие ставит супружество двух верующих людей на вершину ценностной иерархии. Однако в социалистической модели идея супружества, начиная с конституции 1918 года, изменилась – муж и жена трудятся на производстве, дети воспитываются в государственных воспитательных учреждениях с младенческого возраста, а груз домашних обязанностей лежит на женщине. В современной России экономическая ситуация и растущая безработица показали утопичность надежды на возрождение традиционной для до-

революционной России структуры семьи, где жена – домохозяйка. Однако и идеологическая сторона супружества, основанная на принципах православной морали, также не реализована. Когда общество пыталось обрести новые принципы существования, в том числе и в супружестве, христианские идеи не получили распространения, новое поколение приняло только внешнюю атрибутику (венчание, крещение). Православная церковь в отличие от других христианских церквей пока слабо разрабатывает и распространяет идею семьи, соответствующую ситуации, сложившейся в обществе конца XX в. Поворот к семейным ценностям, который необходим современной России, существенно затруднен отсутствием у государства необходимых для поддержки семьи экономических и, главное, законодательных ресурсов, а также недостаточной разработанностью этой проблемы на ее современном уровне в Русской православной церкви.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖЕНЩИНАМИ-ПРОВИЗОРАМИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ВЫРАЖЕННОСТИ СЭВ

С. Ю. Девярых, М. Р. Конорев

**Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет, г. Витебск, Беларусь**

Summary. The situation on the burnout syndrome among pharmacists can be evaluated as well, the level does not burden the pharmacists perform their professional duties.

Key words: pharmacists; professional association of pharmacists; burnout syndrome.

Профессиональный стресс – многообразный феномен, выражающийся в психических и соматических сдвигах при напряженных ситуациях в профессиональной деятельности человека. Существует широкий спектр причин, способствующих развитию профессионального стресса провизора: перегрузки от профессиональной деятельности, работа в дефиците времени, особенности взаимодействия провизора и клиента аптеки, неудовлетворительные отношения в рабочем коллективе, осложняющие условия личной жизни и общие социальные условия.

Длительное воздействие стрессоров на провизора может привести к так называемому «синдрому эмоционального выгорания» (СЭВ). Этот феномен возникает, когда ставятся под сомнение мотивационные и профессиональные установки специалиста, образуется своеобразный дисбаланс между затраченными усилиями и получаемым моральным и материальным вознаграждением [3].

По мнению С. В. Духновского [1], большинство социально-психологических явлений могут быть определены по тем или иным характеристикам, имеющим противоположные полюса, в основу которых может быть положено единство признаков гармоничности и дисгармоничности одновременно, некоторое их сочетание с перевесом в ту или иную сторону.

Согласно названному автору, гармоничные отношения – стабильные, вызывающие положительные чувства и удовлетворенность у обоих партнеров, тогда как дисгармоничные отношения предполагают отсутствие единства и согласия, ослабление позитивных эмоциональных связей.

В этой связи нас интересовала субъективная оценка межличностных отношений у женщин-провизоров с разным уровнем выраженности СЭВ.

В исследовании приняли участие 76 женщин-провизоров, работающих в аптеках различных форм собственности (государственные и частные) и различных категорий.

Для выявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-провизоров использовался опросник «Maslach Burnout Inventory» – МВИ [2], в котором в качестве основных характеристик СЭВ выступают:

- деперсонализация, т. е. обезличивание и стремление формализовать работу;
- снижение производственной самооценки, чувство собственной неполноценности, отсутствие перспектив;
- эмоциональное истощение, приводящее к снижению профессиональной продуктивности.

Анализ полученных при помощи опросника МВИ данных позволил дифференцировать респондентов, в зависимости от выраженности у них СЭВ, на две группы. Первую группу – самую многочисленную – составили специалисты, для которых производственный стресс не является проблемой – 59,2 % (до 15 баллов). Вторую группу составили испытуемые с умеренным уровнем СЭВ; она включала в себя 40,8 % (от 16 до 30 баллов) от общего числа респондентов.

В качестве инструмента исследования мы использовали опросник СОМО [1], включающий в себя четыре шкалы и их итоговую составляющую (см. табл. 1).

Корреляционный анализ выявил сильную положительно направленную корреляционную связь между итоговыми шкалами опросников МВИ и СОМО, которая составила $r = 0,52$; при уровне значимости $p < 0,00$. Полученные данные позволяют говорить о том, что характер субъективной оценки межличностных отношений и уровень выраженности СЭВ взаимообуславливают друг друга.

Было установлено, что оценки межличностных отношений женщинами-провизорами разных групп по выраженности СЭВ до-

стоверно отличается как по всем параметрам оценки этих отношений, так и в целом.

Таблица 1

**Субъективная оценка межличностных отношений
женщинами-провизорами
с разным уровнем выраженности СЭВ**

Шкалы опросника СОМО	Уровни выраженности СЭВ		
	1	2	p <
Напряженность	4,35	5,74	0,00
Отчужденность	5,44	6,58	0,00
Конфликтность	3,9	4,7	0,00
Агрессия	3,8	5,16	0,00
Итоговый балл	4,04	5,41	0,00

Примечание: 1 – низкий уровень СЭВ; 2 – средний уровень СЭВ.

Различия устанавливались при помощи критерия Манна-Уитни.

Так, женщины-провизоры со средним уровнем выраженности СЭВ воспринимают свои межличностные отношения как более напряженные, более отчужденные, более конфликтные и более агрессивные. Вместе с тем женщины-провизоры с низким уровнем и средним уровнем СЭВ воспринимают эти отношения как гармоничные, поскольку различия, выявленные опросником СОМО, фиксируют нижний уровень (группа с низким уровнем СЭВ) или средний уровень (группа со средним уровнем СЭВ) гармоничного восприятия личностью своих межличностных отношений. В этой связи правомерно предположить, что профессиональная деятельность женщин-провизоров со средним уровнем СЭВ не отягощается субъективной оценкой ими своих межличностных отношений.

Ситуация по синдрому эмоционального выгорания у женщин-провизоров в целом может быть оценена как благополучная, а уровень СЭВ у них не отягощает выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

Библиографический список

1. Духновский С. В. Субъективная самооценка межличностных отношений. – СПб. Речь, 2006. – 54 с.
2. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб. : Питер, 2000. – 528 с.
3. Скугаревская М. М. Синдром эмоционального выгорания // Медицинские новости. – 2002. – № 7. – С. 3–9.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ

Ж. Г. Гаранина

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия,
Россия**

Summary. This article observes the theoretical approaches to the concept and the structure of psychological culture, it is considered a communicative component. Describes the characteristics of the psychological impact of the professional activity of experts socionomics sphere.

Key words: psychological culture; communicative component; psychological effects; manipulation.

В современных социально-экономических условиях повышаются требования к профессиональным и личностным качествам специалистов, к их интеллектуальному и культурному уровню. Для специалистов соционимической сферы особенно высокие требования предъявляются к уровню их психологической культуры, умению осуществлять эффективную коммуникацию в процессе делового общения.

Понятие «психологическая культура» имеет различные трактовки в трудах отечественных и зарубежных психологов, но фактически оно рассматривается как интегративное качество личности, раскрывающее ее профессионально-личностное самоопределение, психологическую, социально-психологическую компетентность, творческую активность самореализации и т. д. (А. А. Бодалев, Л. С. Колмогорова, М. В. Попова и др.).

А. А. Бодалев рассматривает психологическую культуру личности в контексте проблемы общения. Он считает, что «...для общения, основанного на принципах гуманизма, необходима психологическая культура, основные положения которой можно попытаться свести к трем элементам: разбираться в других людях и верно оценивать их психологию, адекватно эмоционально откликаться на их поведение и состояние и выбирать по отношению к каждому из них такой способ общения, который, не расходясь с требованиями морали и будучи направлен на утверждение идеалов, в то же время наилучшим образом отвечал бы индивидуальным особенностям тех, с кем приходится общаться» [1, с. 46].

Обобщая рассматриваемые подходы, можно сказать, что психологическая культура представляет собой комплексное образование, позволяющее адекватно понимать себя и других, эффективно взаимодействовать с другими людьми, а также управлять собственным поведением.

В структуре психологической культуры важнейшую роль играет коммуникативный компонент, предполагающий умение эффективно взаимодействовать с людьми. От уровня его сформированности зависит успешность профессиональной деятельности специалистов социэкономической сферы. Профессиональное общение специалистов сферы «человек – человек» основывается на умении устанавливать контакты с другими людьми, понимать их, грамотно воздействовать на партнеров по общению. Таким образом, одной из важных составляющих коммуникативного компонента психологической культуры является умение психологически воздействовать на людей с учетом их психологических особенностей.

Психологическое воздействие можно определить как действие, оказываемое на партнера по общению. Как и любое действие, психологическое воздействие направлено на достижение какого-либо результата. Обобщенным эффектом психологического воздействия относительно человека является изменение его субъективных характеристик.

Психологическая культура специалистов социэкономической сферы предполагает свободное владение обширным репертуаром способов психологического воздействия применительно к различным ситуациям профессиональной деятельности. Вместе с тем используемые воздействия должны отвечать требованиям психологической конструктивности. По мнению Е. В. Сидоренко, психологически конструктивное воздействие должно соответствовать следующим критериям: оно не разрушает личности людей, в нем участвующих, оно психологически корректно, грамотно, оно удовлетворяет потребности обеих сторон [3]. Психологически грамотное воздействие – это воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств, с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие, в котором учитываются психологические особенности партнера и текущей ситуации, а также применяются адекватные способы воздействия.

Исходя из классификации воздействий, предложенной Е. В. Сидоренко, конструктивное психологическое воздействие можно отнести к категории цивилизованных влияний, соответствующих этическим правилам поведения, а также субъективным критериям справедливости и нравственности. Цивилизованное влияние требует определенного уровня психологической культуры, при котором человек соблюдает этические, нравственные нормы, основанные на гуманном отношении к другому человеку.

В противоположность цивилизованному воздействию Е. В. Сидоренко выделяет манипуляцию и варварское воздействие. Отличительной чертой психологической манипуляции является отношение к партнеру по взаимодействию не как к личности, обладающей са-

моценностью, а как к специфическому средству, посредством использования которого достигаются, как правило, скрывающиеся цели манипулятора, реализуются его интересы и удовлетворяются собственные потребности без учета интересов, воли и желаний другой стороны. При этом нарушаются критерии цивилизованности воздействия, так как истинные цели манипулятора скрываются, нарушаются нравственные нормы и правила общения. Для специалистов социомической сферы использование манипуляций противоречит принципам психологической культуры, поскольку невозможно гуманное отношение к другому человеку, если он рассматривается как средство для достижения собственной выгоды [3].

Как показывают наши исследования, коммуникативный компонент психологической культуры будущих специалистов социомической сферы сформирован недостаточно [2]. Во-первых, они обладают ограниченным репертуаром представлений о способах психологического воздействия, о возможности их применения в соответствующих ситуациях. Во-вторых, специалисты, ориентированные на работу с людьми, не всегда осознают, что используемые психологические воздействия должны отвечать требованиям психологической конструктивности, т. е. быть ориентированными на конкретные психологические особенности партнеров по взаимодействию, а также не разрушать личность и отношения людей, участвующих в общении.

Очень часто при выборе психологических воздействий будущие специалисты ориентируются не на индивидуальность других людей, а на свои собственные интересы и склонности, исходя из соображений личного удобства и выгоды. Мы установили, что такие лица обладают ярко выраженной эгоцентрической направленностью, склонностью рассматривать других людей как средство для достижения собственных целей. При этом знание психологических особенностей партнеров может также использоваться в личных интересах. Психологические воздействия, реализуемые такими людьми, можно рассматривать как манипуляции.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что формирование психологической культуры в процессе психологического обучения должно осуществляться не только в направлении развития когнитивной составляющей, включающей теоретические психологические знания. Необходимо также совершенствовать коммуникативные умения и навыки делового и межличностного общения, развивая способность грамотно применять психологические воздействия, основываясь на принципах психологической конструктивности и гуманности. Эти принципы предполагают принятие других людей не как средства для достижения собственных целей, а как равноправных партнеров, психологические особенности и

интересы которых должны учитываться в процессе профессионального общения.

Библиографический список

1. Бодалев А. А. Психология о личности. – М., 1988.
2. Гаранина Ж. Г. Психологическая компетентность будущего специалиста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 1999. – 16 с.
3. Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чуждому влиянию // Социальная психология в трудах отечественных психологов. – СПб. : Питер, 2000. – С. 148–170.

ИМИДЖ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. И. Маркова, И. Д. Маркова, А. Н. Гамонина
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Summary. The present paper is devoted to some aspects of business communication and importance of a positive image for a businessman. The authors of the article emphasize that the success in business often depends on a person's image.

Key words: components of the image; social location; to improve one's image; rise in one's career.

Английское слово «image» [ˈɪ mɪ dʒ] переводится как «образ, отражение». Каждый человек вызывает в восприятии окружающих определенный образ, или индивидуальный имидж. Но имидж является также и социальным явлением. В любом обществе всегда существует совокупность представлений о том, как должен выглядеть и вести себя человек определенного социального статуса или профессии – учитель, врач, бизнесмен, политик, чиновник. В таком случае речь идет о социальном и профессиональном имидже. Мы говорим: «Это работает на ваш имидж», «Подумайте о своем имидже» и даже: «Вам надо изменить имидж» – если впечатление о человеке не соответствует ожидаемому, учитывая его профессию или положение в обществе. Хорошие актеры и политики тщательно продумывают свой имидж. Ведь от того, импонирует ли он публике, зависит их популярность.

Одно из слагаемых успеха в деловом общении – верно найденный имидж. При формировании имиджа следует исходить из тех требований, которые предъявляются человеку делового мира, и ориентироваться на свою индивидуальность.

Представление о деловом человеке складывается из производимого им внешнего впечатления и оценки его деловых качеств.

На впечатление, которое производит человек, влияют его внешний вид, речь, манеры, окружающие его люди и вещи.

Внешний вид делового человека имеет немаловажное значение. Внешний облик – это символ, без слов говорящий окружающим о занимаемой ступени общественной лестницы, о предполагаемой профессиональной принадлежности, характере, темпераменте, финансовых возможностях, о семейном положении и многом другом [1, с. 51]. От производимого впечатления в значительной мере зависит и отношение к деловому партнеру. Как показали исследования, наиболее благоприятное впечатление производят люди спортивного телосложения, среднего или выше среднего роста. При этом люди слишком полные в нашей стране воспринимаются лучше, они кажутся более надежными партнерами, чем чрезмерно худые. Для того чтобы производить хорошее впечатление, деловой человек должен обладать прямой осанкой, уверенной и свободной походкой.

Цвета классической деловой одежды имеют определенную гамму: все оттенки коричневого, бежевого, серого цвета, темно-синий или светло-синий, белый, в исключительных случаях – черный цвет. Установлено, что цвета одежды, их сочетание, форма линий (прямые, жесткие, волнистые, диагональные) и даже фактура тканей оказывают подсознательное влияние на эмоциональную оценку внешнего облика [3, с. 85]. Для деловой одежды рекомендуется прямой силуэт. Чем больше силуэт отличается от прямого (расширяющийся, колоколообразный), тем ниже для окружающих социальный статус владельца костюма. В костюме делового человека предполагаются опрятность, хорошее качество материала и исполнения, соответствие деловому стилю, основные черты которого – строгость, удобство, практичность.

Прическа должна быть не только аккуратной, но и красивой, свидетельствовать об интересе ее владельца к своей внешности. Деловые люди ходят в удобной обуви, женщины – на каблуках средней высоты. Макияж подчеркивает достоинства внешности и при этом не бросается в глаза. Модная дешевая бижутерия в деловом мире неприемлема. Предпочтительны скромные украшения из драгоценных металлов. Кольцо – с небольшим камнем, не привлекающее внимание.

Окружающие человека люди и вещи не случайны, и их выбор порой больше, чем сам человек, говорит о его жизненных симпатиях, установках, отношении к окружающим и к себе. Если вы хотите произвести впечатление солидного, уважающего себя человека, ваши кошелек, портфель, записная книжка, ручка, зонт, а также смартфон, ноутбук и т. п. должны быть отличного качества. Предметы, которые окружают человека, являются как бы его продолжением и слагаемыми имиджа. Для хозяина кабинета эго-протяженными будут и его кресло, и стол, и вся обстановка. Впечатление, которое

вы произведете на людей, зависит от дизайна офиса, где работаете, здания, где находится офис, и даже района города, в котором находится это здание.

Речь делового человека производит благоприятное впечатление, если он не только умеет ясно и последовательно выражать свои мысли, не испытывает затруднений в выборе слов, но и произносит слова правильно, достаточно громко и отчетливо, с естественной интонацией, имеет голос приятного тембра и высоты.

Манеры делового человека – это манеры человека воспитанного, соблюдающего правила культуры поведения и делового этикета. Импонирует уверенность без самоуверенности и развязности. Суетливость и нервозность противопоказаны.

Человек производит благоприятное впечатление, выглядит гармонично и естественно, если его манера поведения, отражающая, как известно, характер, темперамент, воспитание, соответствует его манере одеваться и всему внешнему облику. В этом случае говорят об определенном стиле, характеризующем человека.

Зная особенности своего характера и темперамента, женщина всегда может найти именно тот стиль, который наилучшим образом выразит ее индивидуальность: консервативный, классический, экстравагантный, эротический, спортивно-непринужденный, загадочный, пассивно-женственный [2, с. 145]. Не все названные женские стили равно приемлемы в деловом общении. Например, носительницы экстравагантного и эротического стилей могут восприниматься как люди несерьезные, не заслуживающие доверия. Классический и консервативный стили более уместны в системе деловых отношений. Как же быть обладательницам других стилей? Выбирать область деятельности, наиболее соответствующую не только способностям и образованию, но и характеру, темпераменту, манере поведения. Мир деловых отношений разнообразен. При желании в нем можно найти себе место, соответствуя при этом оптимальному для данной профессии имиджу.

Привлекательность имиджа человека и его успех в деловом мире во многом зависят от того, обладает ли он определенными положительными качествами, такими как честность, порядочность, компетентность, организованность, обязательность (верность слову, пунктуальность), самообладание, предприимчивость, ответственность, широта и быстрота мышления, воспитанность, коммуникабельность, доброжелательность, интеллигентность [4, с. 134]. Все они одинаково важны и значимы.

Прислушаемся к советам специалистов:

1. Выполняйте обещание в срок. Если не смогли выполнить – не оправдывайтесь, а определите новый срок и сдержите слово, пусть с некоторым опозданием.

2. Помните, что ничто так не компрометирует бизнесмена, как его необязательность.

3. Отклоняйте ненужные предложения, но будьте тактичны и вежливы.

4. Умейте слушать, имейте бесконечное терпение.

5. Занимайтесь только теми вопросами, в решении которых ваше участие обязательно.

6. Никогда не забывайте, что ваше мнение и позиция – не единственные, есть и другие мнения и позиции, отнюдь не худшие.

7. Будьте терпимы к недостаткам других людей, если эти недостатки не мешают вашему бизнесу.

8. Не оставляйте без тщательного анализа ни один случай неудачи, сбоя или промаха.

Трудно производить впечатление доброжелательного, уверенного в себе человека и не быть таковым на самом деле. Совершенствование имиджа означает, прежде всего, самосовершенствование. Дисгармония между внутренним и внешним миром всегда ощущается и оставляет неприятное впечатление фальши. Гармония же, наоборот, располагает к человеку, вызывает доверие к нему. Чтобы найти свой имидж в деловом мире, нужно обладать развитым вкусом и желанием быть приятным и полезным людям.

Библиографический список

1. Баева О. А. Ораторское искусство и деловое общение. – Мн. : Новое знание, 2001. – 328 с.
2. Браун Д. Имидж – путь к успеху. – СПб. : Питер, 2005. – 253 с.
3. Кузин Ф. А. Имидж бизнесмена. – М. : Ось-89, 2001. – 311 с.
4. Чисхольм П. Уверенность в себе: путь к деловому успеху // Культура и спорт. – 1994. – С. 124–149.

III. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ТЕХНИКИ

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В КОЛЛЕКТИВЕ СВЕРСТНИКОВ

В. А. Швецова, А. Ю. Литвинова

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия**

Summary. The development of communicative behavior is most intense in adolescence among peers. Communication in the team is the leading activity teen. The system of relations and socio-psychological climate in the team are the result, and, simultaneously, an important indicator of the level of development and features of communicative behavior of adolescents.

Key words: communicative behavior; adolescence; collective; social and psychological climate.

В подростковом возрасте изменяется социальная ситуация развития личности. Центром жизни подростка становится среда сверстников. Согласно Р. С. Немову, «отношения в группах сверстников строятся на более серьезных, чем развлекательные совместные игры, делах, охватывающих широкий диапазон видов деятельности, от совместного труда над чем-нибудь до личного общения на жизненно важные темы» [1, с. 222]. В связи с этим значительно возрастают требования к уровню коммуникативного поведения подростков. Оно же становится основным средством построения системы отношений с ровесниками и взрослыми, так как именно в этом возрасте ведущим видом деятельности является общение.

Коммуникативное поведение выступает одной из важных сторон этого общения, т. е. совокупностью приемов и способов поведения подростка, прежде всего, по отношению к сверстникам. Отношение подростка к коллективу можно рассматривать как некий результат реализации коммуникативного поведения, степень достижения целей этого поведения. Более того, выявление всесторонней картины отношений подростка к коллективу сверстников укажет на проблемные аспекты поведения, которые недостаточно развиты, которым необходимо уделить особое внимание. Чтобы узнать отношение подростков к коллективу, мы осуществили оценку социально-психологического климата с помощью анкеты «Климат» (модифицированного варианта методики Б. Д. Парыгина) [2]. Исследование проводилось на базе Белгородских общеобразовательных школ.

В нем приняли участие учащиеся пятых, sixth и седьмых классов, всего 70 человек.

Результаты свидетельствуют, что у 76 % учащихся выявлено в целом положительное отношение к своему коллективу. При этом 23 % подростков присуще очень хорошее отношение к сверстникам, а 35 % – относительно хорошее. У 15 % испытуемых выявлена незначительная степень неблагоприятности. 9 % подростков присуща средняя степень негативного отношения к коллективу. Выраженное отрицательное отношение к коллективу сверстников не было выявлено. Это означает, что в целом подростки в различных классах дружны, психологическая атмосфера в коллективах благоприятная, следовательно, уровень коммуникативного поведения подростков достаточно развит.

Изучение благоприятных показателей методики «Климат» позволит выявить те стороны коллективной жизни подростка, в которой коммуникативное поведение протекает наиболее благополучно, т. е. на более высоком уровне и приводит к необходимым результатам. В связи с этим было выявлено, что наибольшее значение (первое место) при формировании положительного отношения подростка к коллективу сверстников имеет фактор «участия в совместной деятельности» (81 %). Он проявляется в том, что ребятам нравится проводить вместе время (походы в музей, в театр, в кино), участвовать в совместной деятельности (строевая подготовка, участие в конкурсах, внеклассные мероприятия, викторины), велико желание работать вместе (субботники и т. д.).

Второе место занимает фактор «бодрого и жизнерадостного тона настроения» (73 %). Это означает, что для обретения уверенности в себе, избегания пессимистичного и подавленного настроения подросток стремится к общению с жизнерадостными сверстниками. Возможно, это связано с эмоциональными перепадами, неустойчивостью настроения, характерными для пубертатного периода. На третьем месте по значимости при формировании у учащихся положительного отношения к коллективу находится фактор «чувства гордости за коллектив, если его отмечают преподаватели» (62 %). Например, когда при проведении среди учащихся 7 классов викторины «Славные сыны Белгородчины!» командам-победителям вручали награды, то они бурно выражали свои эмоции: чувство радости, хлопали друг друга, обнимались, скандировали хором. Не было проявлений неуважительного отношения к проигравшим.

Таким образом, положительный климат в коллективе подростков формируется, прежде всего, за счет их активного «участия в совместной деятельности», «бодрого и жизнерадостного тона настроения» и «чувства гордости за коллектив, если его отмечают преподаватели». И так как благоприятный психологический климат в подростковых коллективах городских школ доминирует, то, следо-

вательно, коммуникативное поведение подростков достаточно развито. При этом успешное коммуникативное поведение подростков в первую очередь проявляется в их умении эффективно взаимодействовать в совместной деятельности, а также в умении выражать чувство гордости за свой коллектив.

Также по результатам анкеты «Климат» были выявлены те стороны коллективной жизни подростков, которые можно охарактеризовать как неблагоприятные. Среди факторов, которые разобщают подростковый коллектив, на первом месте мы обнаружили фактор «нетерпимости к мнению товарищей» (60 %). Каждый учащийся считает свое мнение главным. Из-за этого происходят конфликтные ситуации в общении. Например, когда завуч освободил от контрольной работы ученика для помощи по хозяйственным делам школы, возникла ссора, во время которой подростки проявили грубость и оскорбительное отношение друг к другу в споре за то, кто и почему, по мнению каждого, должен был бы оказаться на месте «везунчика».

На втором месте по значимости среди негативных сторон коллективной жизни подростков мы выявили фактор, выраженный формулировкой: «Успехи ребят оставляют равнодушными или вызывают зависть, а неудачи – злорадство» (53 %). К примеру, когда ученики не только получают отличную оценку на уроке, но и особую похвалу, если учитель отмечает их превосходные способности, то это вызывает чувство зависти у многих других ребят, которые считают себя так же успешными в этой области знаний.

На третьем месте среди отрицательных проявлений подросткового коллектива выявлен фактор, обозначенный утверждением: «Новички чувствуют себя чужими, к ним часто проявляют враждебность» (35 %). Такой признак частично объясняется возрастными особенностями подростков, их повышенной конформностью по отношению к своим (реакция группирования) и повышенной конфликтностью по отношению к чужим. Однако следует помнить, что эти реакции являются способом компенсации своей неуверенности, поиска чувства защищенности, если его не хватает, проявлением потребности принадлежности к группе, если она недостаточно удовлетворена.

Таким образом, негативные стороны коллективной жизни подростков проявляются, прежде всего, в нетерпимости к мнению товарищей, во враждебности по отношению к «новичкам», чужим и в зависти по отношению к успехам других. Следовательно, коммуникативное поведение подростков в данных сферах жизнедеятельности коллектива является недостаточно развитым, и необходимо преодоление этих недостатков. Это означает, что, прежде всего, следует учить ребят быть толерантными, с уважением относиться к мнению друг друга. Для этого нужно проводить дискуссионные игры, формировать умение конструктивно выражать свои мысли, выслушивать точку зрения других, а только затем высказываться са-

мим, формировать желание достигать согласия в споре. Также необходимо у подростков развивать навыки построения новых контактов, умение знакомиться с новыми людьми, доверять им, но не поддаваться под излишнее влияние, выстраивать дружелюбные отношения. Кроме того, важно формировать навыки выражения искреннего интереса к чувствам других, умение проявлять эмоциональную поддержку окружающим, сопереживание, соучастие, радость, интерес, любознательность, эмпатию.

Библиографический список

1. Немов Р. С. Психология. В 3 кн. Кн. 2. Психология образования : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 4-е изд. – М. : ВЛАДОС, 2007. – 606 с.
2. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2009. – 544 с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. В. Степаненко

Тверской институт экологии и права, г. Тверь, Россия

Summary. The article discusses the features of communicative behavior of teachers in higher and secondary education. An important quality of the communicative behavior of teachers is a positive self-attitude.

Key words: communicative behavior; self-attitude; self-esteem; self-leadership; self-understanding.

В настоящее время деятельность преподавателей высшей и средней школы происходит в условиях нестандартных ситуаций, что требует творческого мышления субъекта труда, постоянного моделирования им возможных изменений ситуации и последствий собственных действий. Условия деятельности как из-за повышенных требований этического и морального характера к преподавателям высшей и средней школы, так и из-за особенностей и результатов самой деятельности связаны с повышенной личностной ответственностью. При этом успешность деятельности преподавателей, на наш взгляд, существенно зависит от их уровня развития коммуникативного поведения.

Большинство авторов [1; 3 и др.] считают, что коммуникативное поведение преподавателей высшей и средней школы, имеющих высокие достижения в педагогической деятельности, характеризуется высоким уровнем развития интеллекта, большей общительностью и эмоциональностью, наличием потребности в общении и уме-

нием общаться, умением слушать и слышать, эмоциональной уравновешенностью, жизнерадостностью, ценностным и позитивным самоотношением, высоким коммуникативным контролем и другими качествами.

Нам представляется интересным рассмотреть в структуре коммуникативного поведения педагогов такое важное профессиональное качество, как позитивное самоотношение. С целью диагностики самоотношения мы использовали методику «Опросник самоотношения», разработанную В. В. Столиным и С. Р. Пантилеевым [2]. Было проведено эмпирическое исследование среди преподавателей высшей и средней школы и сравнение их с представителями разных профессий. В исследовании приняли участие 150 человек, из которых:

- 50 человек – преподаватели высшей школы (ведущие различные дисциплины);

- 50 человек – преподаватели средней школы (ведущие различные дисциплины);

- 50 человек – представители разных профессий (работники медицины, военнослужащие, юристы, инженеры, библиотекари, представители торговли, секретари, администраторы, менеджеры, экономисты и др.).

Выборку педагогов представили учителя МОУ СОШ № 34, № 46, Тверской гимназии № 8 города Твери и преподаватели Тверского института экологии и права, Тверской государственной медицинской академии, Тверского государственного технического института и ВА ВКО (Военной академии воздушно-космической обороны) им. Г. К. Жукова города Твери.

Возраст испытуемых от 23 до 76 лет.

При обработке данных мы использовали математико-статистические методы: непараметрический U-критерий Манна – Уитни. Статистическая обработка материала проводилась с использованием программ «SPSS», версия 16.0, «Excel».

Обобщая полученные данные результатов опроса, мы выявили следующее.

Анализ данных по среднему значению показал, что по шкале S (глобальное самоотношение) в группе преподавателей высшей школы показатель равен 21,52 балла, в группе учителей – 22 балла, в группе представителей разных профессий – 20,84 балла. Показатель выше у учителей.

По шкале 1 (самоуважение) в группе преподавателей высшей школы показатель (среднее значение) равен 10,38 балла, в группе учителей – 11 баллов, в группе представителей разных профессий – 9,82 балла. Показатель выше у учителей.

По шкале 4 (саморуководство, самопоследовательность) в группе преподавателей высшей школы показатель (среднее значение) ра-

вен 4,52 балла, в группе учителей – 4,8 балла, в группе представителей разных профессий – 4,2 балла. Показатель выше у учителей.

По шкале 7 (самопонимание) в группе преподавателей высшей школы показатель (среднее значение) равен 3,76 балла, в группе учителей – 3,96 балла, в группе представителей разных профессий – 3,48 балла. Показатель выше у учителей.

В результате сравнения трех групп испытуемых с использованием U-критерия Манна – Уитни были установлены значимые различия по шкалам 1 (самоуважение), 7 (самопонимание) и 4 (саморуководство, самопоследовательность). При этом эти показатели выше у учителей, чем у представителей разных профессий.

Мы полагаем, что учитель в большей степени имеет представления о себе как самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать. Представления большинства учителей соответствуют высокому самомнению о себе, самоуверенности, отсутствию внутренней напряженности. Учитель является ведущей фигурой в обществе. Так как почти все общество обучается, воспитывается в школе, а значит, взаимодействует с учителем, это откладывает большую ответственность на учителя. Поэтому он и воспитывает в себе качества, значимые для общества, личности. Особая роль принадлежит таким качествам, как самоуважение и самопонимание. Учителя склонны к положительной оценке, к уверенности в собственном интересе для окружающих, более открыты, верят в себя и свои силы, принимают себя такими, какие они есть. Учитель всегда стремится к хорошим результатам, к высоким процентам успеваемости учащихся. Таким образом, его сущность как учителя выражается в том, сколько человек он научил и как научил. Для выполнения данной задачи учителю важна такая черта, как саморуководство, последовательность выполнения действий, что еще раз подтверждает особенность профессиональной деятельности учителя. Несмотря на то, что в группе представителей разных профессий качества самоуважения, саморуководства и самопонимания также присутствуют, но в отличие от педагогов, они в меньшей степени востребованы в их профессии.

Данные значимых различий по этим шкалам у учителей и представителей разных профессий представлены в таблице 1.

Значимые различия в группе учителей и представителей разных профессий по шкалам 1 (самоуважение), 4 (саморуководство, самопоследовательность), 7 (самопонимание)

Шкалы	Группа/ показатель выраженности признака	Группа/ показатель выраженности признака	U-к	Достоверность различий, P
Шкала 1 (самоуважение)	Учителя	Представители разных профессий	973,50	0,055
	56,03	44,53		
Шкала 4 (саморуководство, самопоследовательность)	Учителя	Представители разных профессий	909,00	0,013
	57,32	43,68		
Шкала 7 (самопонимание)	Учителя	Представители разных профессий	961,50	0,038
	56,27	44,73		

Для наглядности результаты анализа особенностей проявления самоотношения по шкалам 1, 4 и 7 в группах испытуемых представлены на рис. 1.

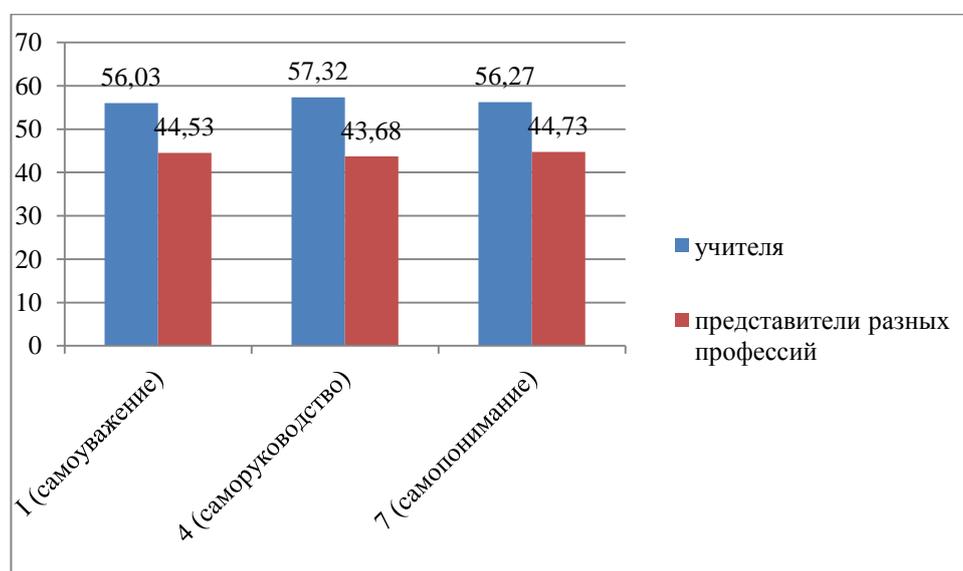

Рис. 1. Результаты анализа особенностей проявления самоотношения по шкалам 1, 4 и 7 у учителей и представителей разных профессий ($p \leq 0,05$)

Таким образом, можно сделать вывод, что успешность педагогической деятельности во многом зависит от особенностей проявле-

ния коммуникативного поведения, в частности такого качества, как позитивное самоотношение педагога.

Библиографический список

1. Оськина С. А. Психолого-педагогическое сопровождение развития коммуникативной компетентности студента педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук. – Саранск, 2010. – 193 с.
2. Столин В. В., Пантеев С. Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: психодиагностические материалы. – М., 1988. – С. 123–130.
3. Шумилова Е. А. Формирование социально-коммуникативной компетентности будущих педагогов профессионального обучения в системе высшего образования : дис. ... докт. пед. наук. – Челябинск, 2011. – 391 с.

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В УСВОЕНИИ ЯЗЫКОВ

Р. К. Джебраилова
Азербайджанский экономический университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Language for every nation and ethnic group is a priceless treasure. The free development of language has, it seems, especially with the development and formation of the state independence: for example, in all the countries of post-Soviet period, the possibility of international communication has increased significantly. First of all, this contributes to the education system.

Key words: native language; language policy; love of language; international affairs; international students.

Язык для каждой нации и этнической группы является бесценным сокровищем. Обеспечение свободного развития языков прежде всего связано, как нам кажется, с развитием и становлением государственной независимости: так, во всех странах постсоветского периода возможности межнационального общения значительно выросли. Прежде всего этому способствует система образования.

К примеру, вступление стран в Болонский процесс позволяет обмениваться опытом в организации образовательного процесса, что также способствует усилению тенденций билингвизма. Немаловажную роль играет здесь мотивация. Она необходима как при обучении иностранных студентов незнакомому языку, так и при общении. В целом проблемы межнационального общения и мотивации при обучении местному языку иностранных граждан особенно важны. Необходимым аспектом обеспечения мер в деле межнационального общения является повышение роли социальной политики в сфере языка и языкового общения; шаги, предпринятые государством для расширения сферы применения государственного языка, должны способствовать формированию не только языковых навы-

ков, но и усвоению нравственных норм и ценностей носителей этого языка. Другим важным аспектом при усвоении языка является мотивация при восприятии языковой системы. В этом смысле актуальным является исследование проблемы мотивации при обучении азербайджанскому языку студентов вузов страны, приехавших из других регионов мира.

В частности, следует отметить, что в Баку обучается много студентов из сопредельных стран, в частности из дружественной Турции. Несмотря на то, что языки (турецкий и азербайджанский) входят в одну языковую семью, государство считает необходимым проводить годичную подготовку на подготовительном отделении по обучению языку. После этого идет зачисление на соответствующие специальности на ступень бакалавра. При обучении особое внимание уделяется орфоэпии, усвоению семантических смыслов и грамматических норм. Общение начинается с простых и понятных предложений; обучение должно проходить в группах в составе не более 10 человек. Особо следует контролировать уровень подготовки преподавателей языка. Устная речь, на которой преимущественно и основаны уроки языка, развивается за счет диалогов между преподавателем и студентом. Дискуссия должна заставить студентов размышлять и при этом совершенствовать технику произношения и мышления [1, с. 46].

Важная роль преподавателя – воспитывать подрастающее поколение, что в немалой степени зависит от его эрудиции, идейных позиций, профессионального мастерства и общей культуры. При обучении языку воспринимаются и определенные нравственные ценности носителей изучаемого языка. Здесь у студентов формируются социальная активность, стремление к изучению этого языка.

Особое внимание уделяется развитию ряда личностных качеств студентов, в том числе посредством формирования необходимых мотиваций.

Техника педагогического мастерства, приобщение к технике педагогического общения предполагают знание психологических особенностей речи, в том числе связанных с мимикой лица, тембром голоса, его высотой, интонацией в целом. Педагогическое мастерство состоит в том, чтобы управлять голосом и лицом, своими жестами, речевым поведением в целом [2, с. 207]. Все это входит в особые педагогические умения и оценивается как особое педагогическое мастерство [3, с. 178]. Здесь важны соблюдение единства такта, воспитания и обучения, признание личного достоинства учащегося, уважение к ним и т. д. Известно, как важно единство деловых педагогических связей, уверенности в себе и педагогического контроля, а также волевой устойчивости, простоты, искренности и доброжелательности [4, с. 178].

Проблема мотивации в немалой степени связана также с нравственными качествами личности, умением применять педагогическую этику во взаимоотношениях с учащимися. Все это требует соблюдения такта и взаимоуважения.

При нарушении требований педагогического общения возникают такие сложности, как неприятие друг друга, ухудшение качества педагогического процесса. У учащихся появляется неуважение к преподавателю, равнодушие к предмету обучения. В результате уровень обучения понижается. Все это имеет отношение также и к обучению иностранных граждан в вузах страны. Прежде, чем приступить к изучению языка, они в течение одного года изучают на подготовительном отделении язык страны. Следует отметить, что наибольшие трудности в процессе преподавания испытывают неопытные, молодые преподаватели. Наиболее характерны следующие проблемы: неумение наладить контакт с аудиторией, в том числе незнание мотивации студентов, их потребностей и устремлений; трудности управления аудиторией в целом; неумение выразить в речи свои эмоциональные возможности и управлять психическими процессами в целом. Эти психологические препятствия могут быть преодолены лишь на основе необходимой подготовки [5, с. 212].

Препятствие в виде неумения владеть установкой выражается в том, что преподаватель, имея определенную цель, пытается наладить контакт с аудиторией, но этот контакт не реализуется. Наблюдается равнодушие, рассеянность с ее стороны, в итоге преподаватель пытается каким-то образом найти выход из положения. Неумение наладить контакт завершается автономным поведением преподавателя, в итоге между ним и аудиторией пролегает невидимая стена отчуждения. В итоге все завершается лишь передачей информации, формируется негативная установка в отношении данной группы. В данном случае проблема состоит в неумении создать интеракцию, т. е. взаимный контакт [6, с. 25–26].

Библиографический список

1. Озуурек Расим. Проблемы турецких студентов, обучающихся в Азербайджане. – Баку : Тахсил, 2005. – 256 с. (на азерб. яз.).
2. Гамзаев М. Педагогическая психология. – Баку : Маариф, 1991. – 296 с. (на азерб. яз.).
3. Мамедов А. Психологические основы обучения. – Баку : Маариф. – 296 с. (на азерб. яз.).
4. Пашаев А., Рустамов Ф. Педагогика. – Баку : Нурлан, 2007. – 462 с. (на азерб. яз.).
5. Каджарлы Дж. И. Проблемы языка на тюркологической конференции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 2007. – 23 с.
6. Мартынова М. А. Развитие мотивации при обучении иностранному языку на среднем этапе обучения. URL: jurnal.org/articles/2012/ped4.html

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ (ОПЫТ АСТРАХАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Е. А. Петрякова

**Астраханский государственный технический университет,
г. Астрахань, Россия**

Summary. The electronic space is designed by means of the main subjects of interaction and has system filling by factors, features, functioning organizational specifications. Important factors of the organization and development of electronic space in the higher education are social and psychological features of behavior and the characteristic of the fundamental factors (consumers of educational services, suppliers of knowledge), communicative factors. Substantial and methodological features of sociological research of electronic space in system of the higher education: organization, analysis of results.

Key words: electronic space; electronic means of education; regional educational field; communicative factors; factors of development of electronic space in system of the higher education; sociological research of electronic space.

Включение в сконструированный информационный образ современного мира обусловлено необходимостью успешно функционировать в различных сферах жизнедеятельности (профессиональной, досуговой, творческой, научной, образовательной и других) [1].

В современном обществе электронное коммуникативно-информационное пространство практически не ограничено (широко распространено, общедоступно, технически легко в использовании) и создает возможности для оперативного получения любых важных сведений, сообщений, мнений. Максимальная сочетаемость, эффективное взаимодействие, своевременная координация основных компонентов данного вида пространства (характерных особенностей, средств, факторов и субъектов) определяют успешность взаимодействия образовательных субъектов и качество подготовки профессионалов в системе высшего образования [4].

Известными характерными особенностями участия в электронном информационном пространстве являются высокая скорость распространения информации, одновременность оповещения, любая дистанционность аудитории, возможность получения скорой ответной реакции, самостоятельное распространение созданного сообщения и, наконец, необходимость сравнительно незначительных материальных затрат на участие во взаимодействии. Несомненно, что все перечисленные характеристики электронного пространства значимы, необходимы и доступны для организации учебного процесса в современных условиях подготовки профессионалов и тем более в си-

туации значительного увеличения внеаудиторных часов на самостоятельную поисковую деятельность студентов.

Электронное пространство четко структурировано (с помощью основных субъектов взаимодействия) и имеет системное наполнение (сформировано факторами, особенностями, организационно-техническими условиями функционирования пространства) [3]. Основными субъектами (актерами или агентами) электронного пространства выступают: поставщики знаний – преподаватели (агенты взаимодействия, адресанты учебной коммуникации), студенты (актеры взаимодействия, адресаты учебной коммуникации), инженеры по телекоммуникациям (передатчики-кодировщики).

Важными техническими компонентами электронного пространства являются каналы коммуникации (Интернет) и средства реализации коммуникативного взаимодействия. Представленные совокупностью форм и способов подачи информации (электронные учебники, аудиовизуальные конференции, сайты, электронная почта и другие), электронные средства создают благоприятную почву для их широкого применения в учебном процессе, где большую долю составляет самостоятельная поисковая работа студента.

Однако описание конструирования электронного пространства будет неполным без рассмотрения его содержания – наполнения структуры коммуникативными факторами существования. Понимание коммуникации как неотъемлемой стороны процесса обучения позволяет выделить наиболее важные факторы организации и развития электронного пространства в системе высшего образования:

- личностный (психологический) аспект – в качестве необходимой составляющей коммуникативного процесса выступает потребностно-мотивационная сфера личности (наличие потребности в получении знаний, развитии), личностная готовность использования электронных ресурсов и среды Интернет в процессе получения образования;

- социальный аспект – особенности поведения и характеристики потребителей образовательных услуг (как социальной группы);

- технологический (ситуационно-процессуальный) аспект – различия в техническом доступе к средствам телекоммуникации, особенности взаимосвязи и взаимодействия субъектов и компонентов коммуникативного процесса – адресанта, передатчика-кодировщика, канала информации, адресата [2].

На основе всех перечисленных особенностей и благоприятных условий существования и развития электронного пространства в учебном процессе автором проведено социологическое исследование с целью изучения факторов развития электронного пространства и выявления возможных направлений оптимизации информационного и коммуникативного взаимодействия в образовательной среде.

Более подробно изучены факторы реализации взаимодействия в электронном пространстве с позиций студентов (как акторов, адресатов коммуникационного процесса, потребителей образовательных услуг). Исследование проводилось на разной совокупности респондентов: лонгитюдно (среди студентов заочного отделения дистанционной технологии обучения, гуманитарных направлений специальностей) и пилотажно (среди студентов-социологов и студентов-рекламистов дневной формы обучения), с помощью опросного метода.

Изучение общих особенностей личностного аспекта коммуникации в электронном пространстве показывает средний и ниже среднего уровни учебной мотивации (в качестве неблагоприятных условий выявлены принцип получения «готового знания», перенос ответственности за успешность процесса и результаты обучения на поставщика знаний – «субъект-объектная форма взаимодействия»). Анализ аспектов показывает корреляцию личностного и социального – студенты-заочники в большей степени проявляют профессиональный интерес к учебному материалу («необходимость наличия теоретических и практических знаний и умений»), организации коммуникационного процесса с преподавателями с помощью электронных средств, отдавая предпочтение известным характерным особенностям электронного информационного пространства.

Так, студенты всех форм обучения (более 80 %) демонстрируют готовность к участию в электронном пространстве. Однако большая часть (53 % опрошенных) выделяет такие условия участия, как – новизну, мобильность, моду; цель участия – «быстро и поверхностно ответить на заданные учебные вопросы», «отдохнуть». Только часть студентов (29 %, из них студенты-заочники составляют 83 %) показывает наличие потребности в получении знаний и саморазвитии с использованием интернет-технологий (электронных учебников, возможностей тестирования, электронной почты) с целями участия «вникнуть в глубину вопроса», «проконсультироваться с преподавателем по проблемным или противоречивым вопросам», «участвовать в электронных формах практикумов».

Изучение технологического фактора позволило выделить две основные группы студентов: «готовых» (к позиционированию себя в качестве «субъекта» коммуникационного процесса) и «неготовых» к взаимодействию в электронном пространстве. Вторая названная группа показывает низкий мотивационный аспект и технические сложности доступа к среде Интернет (20 % имеют доступ к Интернету только на работе, около 20 % имеют крайне ограниченные навыки работы на компьютере и в среде Интернета). Однако существует категория студентов, «готовых» и технически, и лично использовать компьютерные технологии в учебном процессе: позитивно относятся к использованию в учебном процессе электронных учеб-

ников и тестов, к учебному общению через Интернет (около 30 % из общего числа опрошенных респондентов); готовы осуществлять электронный контроль и сопровождение своего учебного процесса (45 %); имеют достаточный уровень навыков для работы на компьютере (80 %), считают необходимым активное участие и развитие преподавателей в качестве «важных субъектов» электронного пространства (30 % всех опрошенных).

Таким образом, изучение особенностей развития электронного пространства в учебном процессе является комплексной и многоаспектной задачей. Представляется, что данное направление исследований нуждается в дальнейшей разработке и поиске путей для ее анализа с точки зрения управленческого, организационно-методического, технического, информационно-просветительского аспектов, с позиций всех акторов и с учетом характерных особенностей их коммуникативного взаимодействия.

Библиографический список

1. Зотов В. В., Извекова М. В. Социальные коммуникации как основа интеграции социальных групп в современных условиях // Социально-гуманитарные знания : научно-образовательное издание. – 2009. – № 4.
2. Петрякова Е. А., Курылев А. С., Куликов М. О. Изучение уровня информационно-коммуникационной компетентности потребителей образовательных услуг в системе дистанционного обучения // Междунар. науч.-метод. конф. (4–6 февраля 2008 г.) «Новые образовательные технологии в вузе» : сб. докл. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2008. – С. 416–419.
3. Савинков В. И. Формирование культурно-информационного пространства // Социально-экономическое развитие общества: система образования и экономика знаний : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 3–5.
4. Шереги Ф. Э., Савинков В. И. Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России. – М. : ЦСПиМ, 2011. – 288 с.

СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И УЧЕТУ УНИКАЛЬНЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Г. Б. Сайфутдинова, Д. С. Салмина
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. In modern archival practice exists unique identification documents, which shall be subject to the special criteria which are conventional in nature, suggesting the need for concerted and collective decisions based specialists and experts, which dramatically increases the efficiency of the preservation of valuable documents for subsequent storage and analysis.

Key words: unique document; selection criteria; safety.

В 1995 г. в связи с Указом президента Российской Федерации архивной службой страны была начата работа по созданию Государственного реестра уникальных документов АФ РФ в целях централизованного государственного учета и контроля за их сохранностью, информирования пользователей. Непосредственно работу по выявлению уникальных документов ведут государственные архивы, музеи, библиотеки и иные государственные организации, а также собственники документов в рамках соглашений (договоров) с органами и учреждениями системы Росархива либо по собственному желанию. Уникальный документ, чтобы быть определенным как таковой, должен обладать некоторыми особыми свойствами, выявляемыми путем применения к ним основных критериев: древность документа (все документы, созданные до 1626 года), подлинность (предполагает аутентичность носителя и содержания документа времени события, к которому относится документ), бесспорность культурно-исторической значимости (документы, ценность которых общепризнанна, то есть бесспорна), публичность (т. е. документ должен для этого стать публичным, открытым), высокая материальная ценность (выражается в страховой оценке документа, которая не должна быть ниже верхней границы его возможной аукционной цены) [1].

Создание единой государственной системы учета и выделение из всей совокупности документов именно уникальных Архивным фондом Российской Федерации являются важным фактором обеспечения их сохранности, способствуют углубленному изучению документальных памятников и пропаганде исторических знаний в Российской Федерации, расширяют информационный потенциал архивных учреждений как внутри страны, так и за рубежом.

Библиографический список

1. Регламент Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации : Приказ Росархива от 09.10.2001 № 75. URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/lq-praktika/o4g.htm>

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР АСИММЕТРИИ В ОТВЕТАХ НА АНКЕТНЫЕ ВОПРОСЫ

Н. С. Бабич

Институт социологии РАН, г. Москва, Россия

Summary. This article discusses asymmetric responses to survey question containing antonyms. It provides an overview of current views on the problem of forbid/allow asymmetry and offers an alternative hypothesis, based on the extraction of implicit question wording information by respondents.

Key words: implicit information; forbid / allow asymmetry; survey questions.

Гипотеза имплицитной информации будет рассмотрена нами на примере асимметрии запрета / разрешения, обнаруженной Д. Раггом в 1941 году в опросе, проводившемся Э. Роупером [14, р. 92]. В исследовании использовались две независимые выборки, и в одной из них 62 % респондентов высказывались *против разрешения* публичных антидемократических речей. Во второй выборке только 46 % *согласились с запретом* таких речей.

Обстоятельное исследование эффекта, открытого Раггом и Роупером в 1941 году, было предпринято спустя три с лишним десятилетия Г. Шуманом и С. Прессером. Они обнаружили устойчивую воспроизводимость асимметрии (на той же, что в 1941 году, формулировке в 1974 и 1976 годах) и выдвинули несколько возможных объяснений ее возникновения [16, р. 280–281], которые определили дальнейшие направления исследований эффекта.

Первая из гипотетических причин асимметрии связана с коннотациями, присущими рассматриваемым антонимам. Глагол «запрещать» звучит резче, что делает его принятие более трудным, тогда как «разрешать» в некоторых случаях может восприниматься как поощрение девиантного поведения и отвергаться уже на этом основании. Эту гипотезу мы в дальнейшем будем называть «семантической». Существенным недостатком этой гипотезы является ее размытость и чрезмерная общность. Любое понятие всегда вызывает массу коннотаций, и их набор в значительной степени зависит от контекста, поэтому в том виде, в котором первая гипотеза была сформулирована, она не может быть ни доказана, ни опровергнута. Шуман и Прессер не проверяли ее самостоятельно, а в более позд-

них исследованиях семантическое объяснение всегда формулировалось более узко.

Вторая возможная причина состоит в том, что используемые в формулировке антонимы могут вызывать к жизни различные грамматические ситуации, порождающие трудности восприятия. Так, не вполне очевидно, что все респонденты, которым надо *поддержать запрет* речей *против* демократии успешно справятся с задачей. «Запрещение» суждений, направленных против демократии, может быть спутано с «запрещением» самой демократии. Эта «грамматическая» гипотеза была проверена Шуманом и Прессером путем замены словосочетания «против демократии» на «в поддержку коммунизма», что привело к некоторому уменьшению, но не исчезновению асимметрии. Разница между долями ответивших «нет, не разрешать» и «да, запретить» составила 16 %. Таким образом, грамматическая гипотеза в целом была опровергнута.

Третьей причиной асимметрии, по Шуману и Прессеру, может быть уровень абстрактности темы вопроса. В их экспериментах обнаружилась положительная зависимость между величиной асимметрии и долей затруднившихся ответить респондентов, а также – связь между низким образованием и склонностью к асимметричным ответам, которая впоследствии была подтверждена независимыми исследованиями [12; 15]. Эти факты подкрепляют гипотезу о том, что асимметрия проявляется в ответах на вопросы в абстрактных областях, таких как «речи против демократии», но не должна возникать в опросах, посвященных более понятным и близким для респондентов темам, например, запрету порнографии или рекламы сигарет на телевидении. В вопросах на эти темы, задававшихся Шуманом и Прессером, асимметрия составила соответственно 5,4 % и 4,3 %, что уже является величиной, которую можно рассматривать как находящуюся в рамках допустимой погрешности.

В комплексном голландском исследовании 1988 года [9, р. 31–32] использовались как «абстрактные» (о расистских высказываниях), так и конкретные (о распространении и воспроизведении фильмов для взрослых и о раздельном обучении для детей бельгийцев и национальных меньшинств) вопросы. При этом было показано, что асимметрия имеет место в обоих случаях, причем наиболее слабо эффект сказался при ответах на «абстрактный» вопрос. В кросс-культурном (американско-германском) методическом эксперименте Д. Бишопа и соавторов [3, р. 334–335] была обнаружена значительная асимметрия ответов на вполне «конкретный» вопрос о курении в общественных местах. В немецкой выборке тех, кто выбрал запрет курения, оказалось на 20,3 % меньше, чем тех, кто отказался его разрешить. Но в американской части опрошенных имела место *обратная* асимметрия. Тех, кто высказался за запрет курения, было

на 14,3 % больше. Приведенные результаты, по-видимому, противоречат «гипотезе абстрактности».

Одним из вариантов уточнения может служить постановка проблемы, осуществленная Х.-Ю. Хипплером и Н. Шварцем в часто цитируемой статье 1986 года [6]. Предложенная ими гипотеза (назовем ее «гипотезой безразличия») состояла в том, что «виновниками» асимметрии являются участники опроса, которым его тема безразлична. Такие респонденты отвечают отрицательно на оба варианта вопроса просто потому, что у них нет ни желания, чтобы что-то запрещалось, ни желания, чтобы что-то разрешалось. Как результат, в обоих случаях обнаруживается дополнительная доля выбравших ответ «нет», которая приходится на безразличных респондентов, и она-то служит причиной возникновения асимметрии. Гипотеза Хипплера и Шварца была ими подтверждена экспериментально (асимметрия исчезала при удалении из выборки респондентов, не продемонстрировавших выраженных установок к теме вопроса), кроме того, она хорошо согласовывалась с данными Шумана и Прессера. Действительно, по (интуитивно) более абстрактным вопросам логично ожидать более высоких долей безразличных респондентов, которые могут коррелировать с долями затруднившихся ответить. Правдоподобно (хотя и не доказано) предположение, что среди респондентов с низким образованием будет больше доля безразличных.

Наиболее серьезная концептуальная проблема, встающая перед гипотезой безразличия, – то, что в качестве объяснения в ней выдвигается предположение о существовании некоторой латентной переменной. Иными словами, неизвестное объясняется через другое неизвестное. Речь идет о показателе, который соответствует «силе установки». Интуитивно ясно, что такая переменная может существовать, но ее прямое измерение вряд ли возможно. Косвенные же измерения не всегда позволяют получить подтверждение гипотезы безразличия.

Эмпирическая проблема, с которой сталкивается «гипотеза безразличия», заключается в наличии, как минимум, одного контр-примера – наблюдавшейся в эксперименте на американской выборке обратной асимметрии [3, р. 334–335]. Гипотеза Хипплера и Шварца предсказывает неизменное направление асимметрии, так как она связана с инвариантными принципами обработки информации человеком. Если эффект запрета / разрешения возникает из-за респондентов, которые не желают ни того, чтобы что-то запрещалось, ни того, чтобы что-то разрешалось, то они должны не испытывать таких желаний по любому вопросу.

В последние годы асимметрия запрета / разрешения была детально изучена Б. Холлеман, которая попыталась детализировать

семантическое объяснение¹, посвятив ему целый ряд публикаций [4; 7; 8; 9; 10]. В них развивается идея о том, что обе формулировки измеряют одну и ту же установку, но по-разному отражаемую на шкале «да – нет». Она была подтверждена анализом опросных данных с использованием моделирования структурными уравнениями [7]. Позднее с помощью методики, включавшей отдельный анализ времени понимания вопроса и времени ответа, было показано, что причиной асимметрии являются процессы, происходящие на втором, а не на первом из этих этапов [4]. Причем авторы исследования смогли выработать и правдоподобное объяснение этому факту, предложив модель отражения установки на шкале, которая требует большего времени в случае «запрета», чем в случае «разрешения». Таким образом, предполагается, что доля респондентов, готовых одобрить запрет, оказывается ниже в результате большей сложности этого когнитивного действия, по сравнению с отказом в разрешении. Перед версией семантической гипотезы Холлеман встают в целом те же проблемы, что и перед гипотезой безразличия. Это объяснение одного неизвестного через другое неизвестное, а также однонаправленность асимметрии, которая не находит эмпирического подтверждения.

Существует объяснение, которое кажется более простым, чем рассмотренные выше гипотезы, и в то же время согласующимся со всем массивом имеющихся фактов. Для того чтобы его выработать, необходимо отказаться от имплицитного многим исследованиям анкетных вопросов представления о респонденте как о пассивном объекте измерения. Коммуникация, инструментом которой служит анкета, не является односторонней, и исследователь, задавая свои вопросы, подчас сообщает респонденту не меньше информации, чем может получить в ответ. Это свойство опроса считается нежелательным и в наиболее тяжелых случаях называется использованием «наводящих вопросов». Ситуация с асимметрией запрета / разрешения не столь очевидна, но она может быть объяснена исходя из той же логики. В самом деле, если исследователь спрашивает, следует ли *запретить* речи против демократии, он тем самым подразумевает, что такие речи *разрешены*. Респондент, не обладающий точным знанием соответствующих законодательных актов, именно такую информацию извлечет из формулировки вопроса. И наоборот, те респонденты, которых спросят, следует ли *разрешить* речи против демократии, скорее подумают, что на них *уже существует запрет*. И тогда на распределение ответов начнут оказывать влия-

¹ Б. Холлеман в своих работах предпочитает называть его «гипотезой коннотаций» («connotations hypothesis»). На наш взгляд, это название слишком узко и уже не отражает полностью результатов самой Холлеман.

ние более общие установки к ужесточению или смягчению запретов в данной конкретной области.

Итак, альтернативная гипотеза состоит в том, что причиной асимметрии являются не те респонденты, которым безразлична тема, а те, у которых не хватает соответствующей информации. И асимметрия возникает из-за того, что недостающая информация активно извлекается респондентами из самой формулировки вопроса.

Предложенная гипотеза основывается на описании зависимости между достаточно простыми, прямо измеряемыми переменными и хорошо согласуется с целым рядом эмпирических результатов. Во-первых, она не требует однонаправленной асимметрии, поэтому оказывается совместимой с данными Бишоп и соавторов [3]. В то же время она не противоречит и обобщенным результатам других исследований.

Во-вторых, гипотеза активного извлечения информации также согласуется с данными о том, что асимметрия исчезает при использовании расширенных версий вопросов, в которых эксплицитно используются сразу оба варианта действий. Вопросы, содержащие формулировку «разрешить или не разрешить», в этом смысле эквивалентны вопросам, содержащим формулировку «разрешить или запретить» [15]. Исчезновение асимметрии можно объяснить тем, что вопрос с обоими вариантами перестает играть роль подсказки.

В-третьих, в телефонных опросах асимметрия может оказываться меньше, чем при использовании самостоятельного заполнения анкет [3], так как в телефонном интервью у респондента гораздо меньше времени на извлечение информации из формулировки вопроса.

В-четвертых, как показал метаанализ, проведенный Б. Холлеман, наиболее мощным фактором, влияющим на величину асимметрии запрета / разрешения, является «сложность» темы в сочетании с ее «абстрактностью» [8], то есть переменная, которую легко связать с осведомленностью респондентов.

Библиографический список

1. Bishop G. F., Hippler H.-J., Schwarz N., Strack F. A comparison of response effects in self-administered and telephone surveys // *Telephone survey methodology* / ed. by R. M. Groves, P. P. Biemer, L. E. Lyberg, J. T. Massey, W. L. Nicholls, J. Waksberg. – New York : John Wiley & Sons, 1988. – P. 321–340.
2. Chessa A. G., Holleman B. C. Answering attitudinal questions: Modelling the response process underlying contrastive questions // *Applied Cognitive Psychology*. – 2007. – Vol. 21. – № 2. – P. 203–225.
3. Hippler H.-J., Schwarz N. Not forbidding isn't allowing: The cognitive basis of the forbid – allow asymmetry // *Public Opinion Quarterly*. – 1986. – Vol. 50. – № 1. – P. 87–96.
4. Holleman B. C. The nature of the forbid/allow asymmetry: Two correlational studies // *Sociological Methods & Research*. – 1999. – Vol. 28. – № 2. – P. 209–244.

5. Holleman B. C. Wording effects in survey research using meta-analysis to explain the forbid / allow asymmetry // *Journal of Quantitative Linguistics*. – 1999. – Vol. 6. – № 1. – P. 29–40.
6. Holleman B. C. The forbid/allow asymmetry. On the cognitive mechanisms underlying wording effects in surveys. – Amsterdam : Rodopi, 2000.
7. Holleman B. C. The meanings of «yes» and «no». An explanation for the forbid / allow asymmetry // *Quality & Quantity*. – 2006. – Vol. 40. – № 1. – P. 1–38.
8. Loosveldt G. Interaction Characteristics in Some Question-Wording // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. – 1997. – № 56. – P. 20–30.
9. Narayan S., Krosnick J. A. Education moderates some response effects in attitude measurement // *Public Opinion Quarterly*. – 1996. – Vol. 60. – № 1. – P. 58–88.
10. Olsen H. The silence of numbers: a split-sample experiment concerning respondents' linguistic sensitivity in Danish survey studies // *International Journal of Social Research Methodology*. – 2002. – Vol. 5. – No 4. – P. 293–312.
11. Rugg D. Experiments in wording questions: II // *Public Opinion Quarterly*. – 1941. – Vol. 5. – № 1. – P. 91–92.
12. Reuband K.-H. The Allow-Forbid asymmetry in question wording – a new look at an old problem // *Bulletin de Méthodologie Sociologique*. – 2003. – № 80. – P. 25–36.
13. Schuman H., Presser S. Questions and answers in attitude surveys. – New York : Academic Press, 1981.

КОММУНИКАЦИЯ В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. А. Антипов

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. The article is devoted to the peculiarities of communication in the postmodern world. The author points to the growing role of communication in the postmodern information society and its quality changes, consisting in the formation and distribution of virtual communications.

Key words: communication; postmodernity; information society; virtual communications.

Коммуникация как философская категория означает особый уровень общения, при котором затрагиваются самые глубинные слои человеческой души, коммуникация в философии – это подлинное, истинное общение.

Коммуникация как философская проблема актуализировалась в первые десятилетия XX века, в эпоху нарастания отчуждения и духовного кризиса в западноевропейском обществе, первым ярким проявлением которого стала Первая мировая война. В философском интересе к проблеме коммуникации отразилась настойчивая потребность общества того времени в преодолении кризиса и отчуждения посредством нахождения путей подлинного глубинного общения, диалога. Одним из первых к проблеме коммуникации обратился К. Ясперс. Значительный вклад в развитие философии ком-

муникации внес М. Бубер. Также необходимо отметить таких мыслителей, как Ю. Лотман, М. Бахтин, В. Библиер, Ж. Бодрийяр.

Научные исследования теории коммуникации начались относительно недавно – в начале 20 века. Первым понятие коммуникации сформулировал социолог Г. Лассуэл [5, с. 61]. Понятие коммуникации в дальнейшем было развито как зарубежными, так и отечественными авторами. Различия в толковании термина «коммуникация» обусловлены сферой деятельности, относительно которой данный процесс рассматривается (политика, социология, психология, кибернетика, журналистика, маркетинг и т. д.). При всех семантических различиях, эти подходы имеют общее – то, что основная цель коммуникационных процессов применительно к любой сфере деятельности заключается в удовлетворении потребностей участников коммуникационных процессов в обмене информацией и обеспечении понимания этой информации, являющейся предметом обмена.

В рамках коммуникативистики выделяется несколько подходов к пониманию современных коммуникаций – это технократический, интеракционный и лингвистический подходы.

Технократический подход подразумевает, что в коммуникации важны технические аспекты и каналы размещения сообщений (Д. Белл, Дж. Гелбрейт, Г. Маклюэн, К. Шеннон). Данный подход имеет механистический, утилитарный характер, не учитывающий мнение получателя информации.

Интеракционный подход рассматривает формирование коммуникации как взаимодействие, осмысленный и равноправный диалог потребителя информации и его производителя (Г. Блумер, Д. Мид, Т. Ньюкомб, Э. Холл).

Следующий подход, лингвистический (Р. Барт, Э. Сапфир, Ф. Соссюр, Н. Хомский, Р. Якобсон), помогает формировать эффективные коммуникации в масштабах мировой экономики, учитывает многообразие языков и символов.

Коммуникация становится в постсовременном мире фундаментальной основой всей жизнедеятельности людей. Разные виды коммуникации формируют бытие современной культуры: это и особый мир средств массовой информации, виртуальное пространство в сети Интернет, взаимодействие в транснациональных корпорациях, претерпевающее изменение межличностное общение индивидов и т. д. [1, с. 118].

На современном этапе развития общества также существенно сокращается время для непосредственного межличностного взаимодействия людей между собой, что обусловлено стремительным развитием информационных технологий во всех сферах деятельности человека. В связи с этим актуальной является необходимость исследования особенностей формирования различных форм виртуальных коммуникаций в жизнедеятельности человека, системати-

зации исследованных информационных областей, а также представления нового осмысленного и структурированного научного взгляда на такую сферу деятельности человека, как виртуальные коммуникации.

Постсовременное общество, которое характеризуется как информационное и сетевое, действует так, что «генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [2, с. 24]. По справедливому мнению современных авторов, технологическая составляющая социально-культурного развития на современном этапе намного значимей этой же составляющей в начале прошлого века, а скорость происходящих под ее воздействием изменений настолько велика, что на глазах одного поколения может происходить несколько циклов технологического обновления [3, с. 7].

Постсовременность характеризуется тем, что информационно-коммуникационные инструменты и технологии на сегодняшний день определяют и будут в еще большей мере определять картину будущего, а основой происходящих трансформаций являются технологии обработки информации, осуществляемые посредством новейших технических средств коммуникации.

С развитием Интернета эволюционируют не только технические возможности оперативной передачи информации, но также и коммуникативные, позволяющие осуществлять виртуальное взаимодействие между индивидами. Начиная с конца прошлого века можно наблюдать существенную динамику развития виртуальных социальных сетей, которые являются одной из основных сред осуществления виртуальных коммуникаций. Эти сети активно структурируются и профилируются, увеличиваются в количествах и предоставляемых сервисах. Глобальные социальные сети на сегодняшний день объединяют миллиарды пользователей разного пола, возраста, уровня образования, конфессиональной и национальной принадлежности.

Таким образом, новые информационно-коммуникационные технологии, которые позволяют хранить и быстро передавать значительные объемы сведений, а также привлекать к взаимодействию аудио-, видеоканалы коммуникаций и осуществлять взаимодействие со значительным числом пользователей в любой точке Земли, становятся реальностью современности. Информационные технологии существенно изменили не только характер коммуникаций, но и представления о самом процессе коммуникации. В связи с этим обстоятельством правомерным представляется выделение межличностного взаимодействия, которое осуществляется посредством информационно-технических средств, как особого типа коммуникации.

Виртуальная коммуникация, то есть коммуникация, опосредованная информационно-техническими (как правило, сетевыми)

средствами, обладает целым рядом специфических черт, к которым можно отнести:

- анонимность;
- оперирование «никами», т. е. в идеале бесконечным множеством имен для обозначения коммуницирующих персон;
- недостоверность личностного участия в коммуникации, участие в коммуникативном процессе фиктивных персонажей;
- травестийные формы общения, основанные на изменении стратегии репрезентации пола в Сети;
- конструирование идентичности по усмотрению участников коммуникации;
- «плавающий» социальный статус участников коммуникации;
- участник коммуникации – неизвестный другой;
- эмоциональная доминанта в коммуникации, внерациональная мотивация, коммуникация в Сети как средство психологического замещения;
- многослойное «Я», создание виртуальных самопрезентаций;
- демонстративное включение телесности в ткань дискуссии, обозначение присутствия телесности вербальными и невербальными способами, широкое использование специальных значков для обозначения эмоций (отелеснивание языка) [4].

Существенное развитие информационно-коммуникационных технологий определяет также основные изменения в формах осуществления коммуникаций, и прежде всего путем их глобальной виртуализации, в результате чего в среду виртуальных сетей входят элементы профессиональной и социокультурной деятельности.

Интерактивные формы коммуникаций изменили содержание и формы мира повседневности, а также расширили способы социализации индивидов, но усложнили механизмы создания идентичности в социальной среде.

Библиографический список

1. Болдонова И. С. Онтологические основания герменевтических теорий в философии коммуникации // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. – С. 117–122.
2. Катаева О. В. Виртуалистика в контексте синергетической парадигмы : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2002. – 26 с.
3. Кучмуруков В. В. Виртуальные коммуникации как фактор трансформации культуры информационного общества : автореф. дис. ... канд. культ. наук. – М., 2006. – 28 с.
4. Одаренко О. В. Специфика виртуальной научной коммуникации // Интернет-конференция «Социология и интернет: перспективные направления исследования». URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16216291/> (дата обращения: 20.11.12).
5. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. – Chicago, 1971.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2013 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

15–16 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.13)

17–18 января 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.13)

20–21 января 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.13)

25–26 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.13)

1–2 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.13)

5–6 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.13)

10–11 февраля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.13)

15–16 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспективы»** (К-02.15.13)

20–21 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.13)

25–26 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.13)

1–2 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.13)

5–6 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.13)

10–11 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.13)

13–14 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.13)

15–16 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.13)

20–21 марта 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.13)

25–26 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.13)

28–29 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.13)

1–2 апреля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.13)

5–6 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.13)

7–8 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии, психолингвистики»** (К-04.07.13)

10–11 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.13)

15–16 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.13)

20–21 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.13)

22–23 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.13)

25–26 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»** (К-04.25.13)

28–29 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.13)

2–3 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.13)

5–6 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.13)

10–11 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.13)

15–16 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.13)

22–23 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Модели развития психологического универсума человека»** (К-05.22.13)

25–26 мая 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.13)

1–2 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.13)

3–4 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.13)

5–6 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.13)

7–8 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.13)

10–11 сентября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.13)

15–16 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.13)

20–21 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.13)

25–26 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.13)

28–29 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.13)

1–2 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.13)

5–6 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.13)

10–11 октября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-10.10.13)

15–16 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.13)

20–21 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.13)

25–26 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.13)

28–29 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

5–6 декабря 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пен-

за, Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail, соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследо-

вания Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства)

могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosfera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» –
Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу*.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ ПО ПСИХОЛОГИИ **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ и БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный орден Дружбы народов медицинский университет
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Пензенская государственная технологическая академия

**ПРАКТИКА
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Материалы III международной научно-практической
конференции 1–2 декабря 2012 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 19.12.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 5,23 п. л.
Усл.-печ. л. 4,86 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 57/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в.
тел. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09